СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXVIII, № 4.

ВЗГЛЯДЪ
НА УЧЕБНУЮ ЧАСТЬ ВЪ РОССІИ
ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ ДО 1782 ГОДА.

ГРАФА Д. А. ТОЛСТАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1885.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1885 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

Начало учрежденія свѣтскихъ учебныхъ заведеній въ Россіи совпадаетъ съ началомъ XVIII-го столѣтія. Въ 1703 году пасторъ Глюкъ открылъ въ Москвѣ училище, съ курсомъ, приближавшимся къ плану европейскихъ гимназій того времени; послѣ его смерти, оно перешло въ завѣдываніе магистра философіи Іенскаго университета Іогана Вернера Паузе, но уже въ 1706 году уничтожилось.

Въ Петербургѣ существовали въ 1711 году четыре такъ называвшіяся «разноязычныя нѣмецкія школы». Не сохранилось свѣдѣній объ ихъ устройствѣ, но несомнѣнно, что оно было также гимназическое; видно это изъ того, что въ школѣ, состоявшей въ завѣдываніи Павла Веселовскаго, было на 38 учениковъ 9 учителей [1]). Это доказываетъ, что то было не начальное училище, а среднее учебное заведеніе. И эти училища просуществовали, по видимому, не долго: никакого слѣда о нихъ не сохранилось.

Цыфирныя школы.

Первая общая мѣра по народному образованію, долженствовавшая распространяться на всю имперію, относится къ 1714

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 2389.

году, когда велѣно было учредить во всѣхъ губерніяхъ такъ называвшіяся цыфирныя школы, для обученія дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ, всѣхъ сословій, кромѣ однодворцевъ, ариѳметикѣ и первоначальной геометріи. Эти школы приказано было открыть въ архіерейскихъ домахъ и въ болѣе зажиточныхъ монастыряхъ; ученіе было безплатное, но съ каждаго ученика, кончившаго курсъ и получившаго на то свидѣтельство, учитель, получавшій впрочемъ казенное содержаніе, могъ брать по рублю.

Императоръ Петръ намѣревался ввести этимъ способомъ обязательность ученія въ Россіи, и съ этою цѣлью запретилъ непрошедшимъ этого курса жениться [1]).

Къ сожалѣнію, мѣры исполненія вовсе не соотвѣтствовали широтѣ намѣренія: не было ни учителей, ни надлежащаго помѣщенія для школъ, не было для завѣдыванія ими и спеціальныхъ педагоговъ. Адмиралу графу Апраксину вмѣнено было въ обязанность послать въ каждую губернію по два учителя изъ учениковъ навигаторской школы, прошедшихъ курсъ геометріи и географіи [2]). Очевидно, что двухъ учителей на цѣлую губернію было далеко не достаточно.

Кромѣ того, изъ общности этой мѣры, съ самаго же начала, стали дѣлаться исключенія, именно въ 1716 году освобождены были отъ этого ученія дворянскія дѣти [3]), а въ 1720 году купеческія, или дѣти посадскихъ людей. Если и были нѣкоторыя основанія сдѣлать исключеніе для дворянства, обязаннаго тогда военною службою, съ которою соединялась необходимость грамотности и нѣкоторыхъ познаній въ наукахъ математическихъ, на которыхъ основаны военныя, то для купечества такихъ причинъ не существовало. Оно выставляло предлогомъ, что дѣти его въ школьномъ возрастѣ учатся практически купечеству въ лавкахъ, что отвлеченіе ихъ отъ промысловъ поведетъ за со-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. №№ 2762 и 2778.
[2]) Тамъ же № 2979.
[3]) Тамъ же.

бою упадокъ торговли, что будто они сами учатъ своихъ дѣтей [1]). Наконецъ, съ учрежденіемъ Сѵнода, изъяты были изъ этой мѣры дѣти духовенства, на томъ основаніи, что для нихъ будутъ учреждены семинаріи и духовныя училища. Но мѣра эта осуществилась не скоро: въ первое время семинарія была только въ Новгородѣ.

Такъ какъ цыфирныя школы заведены были лишь въ немногихъ городахъ, то приходилось посылать дѣтей для обученія на дальнее разстояніе; такъ изъ Каргополя отсылали ихъ въ Новгородъ, изъ Устюга въ Вологду, изъ Калуги въ Москву, и т. п., и, для предупрежденія побѣговъ, не рѣдко содержали ихъ въ тюрьмахъ или подъ карауломъ.

Цыфирныя школы состояли подъ вѣдомствомъ адмиралтействъ-коллегіи, потому что учителей для нихъ доставляло навигаторское училище. Въ царствованіе Петра, начальникъ этого училища полковникъ и отъ бомбардиръ капитанъ поручикъ Скорняковъ-Писаревъ завѣдывалъ и цыфирными школами. Часто жаловался онъ Сенату на то, что онѣ пусты, и просилъ о понужденіи родителей отдавать въ нихъ своихъ дѣтей. Такъ въ 1719 году онъ писалъ, что изъ приписанныхъ въ Петербургской губерніи школъ Псковской, Новгородской и Ярославской провинцій только въ Ярославской учатся 26 церковно-служительскихъ дѣтей, а «въ прочія школы и ничего учениковъ въ высылкѣ не было». Сенатъ подтверждалъ о принудительной посылкѣ дѣтей въ школы, «дабы, за невысылкою учениковъ, учители безъ дѣла не были и даромъ жалованья не брали» [2]); но эти понужденія не имѣли никакого практическаго результата. Въ слѣдующемъ году въ Московской губерніи было только 70 учениковъ, а въ прочихъ губерніяхъ и того менѣе. Съ самаго учрежденія цыфирныхъ школъ, съ 1714 года по 1722 въ нихъ перебывало всего 1389 учениковъ, а окончило курсъ лишь 93, «а за тѣмъ оставшіе, едва

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 3573.

[2]) Тамъ же № 3447.

не всѣ синодальной команды бѣжали»[1]). По видимому, безуспѣшныя настоянія ревностнаго Скорнякова-Писарева надоѣли Сенату, и онъ запретилъ ему къ себѣ обращаться, а указалъ на адмиралтействъ-коллегію[2]).

Видно, что правительство не знало, что предпринять съ этими цыфирными школами и старалось всячески отъ нихъ отдѣлаться. Въ 1723 году ему удалось передать эти школы въ Новгородской губерніи духовному вѣдомству, по тому уваженію, что въ нихъ было болѣе 500 учениковъ духовнаго званія, тогда какъ всѣхъ другихъ сословій считалось не болѣе 30, что грамматическое ученіе духовныхъ училищъ полезно слить съ ариѳметическимъ, и что единство управленія выгодно для школъ. На этомъ основаніи цыфирныя школы въ Новгородской губерніи соединены были съ архіерейскими. Сенатъ желалъ пойдти далѣе, именно обобщить эту мѣру сліянія обоего рода, по правдѣ сказать, не дѣйствительно существовавшихъ, а только предполагавшихся школъ во всей имперіи, но не могъ этого сдѣлать, потому что Сѵнодъ сообщилъ, что «въ прочихъ епархіяхъ архіерейскія школы еще не опредѣлены»[3]).

Уже въ царствованіе Императрицы Екатерины I мѣра эта была принята, но не исполнена. Сенатъ находилъ, что въ цыфирныхъ школахъ учениковъ весьма мало, да и тѣ почти всѣ духовнаго происхожденія, что убыточно производить вдвойнѣ жалованье учителямъ какъ въ этихъ, такъ и особо въ архіерейскихъ школахъ, и нанимать или строить для нихъ двойныя помѣщенія; потому въ 1726 году соединилъ цыфирныя школы со школами духовнаго вѣдомства и передалъ ихъ въ вѣдѣніе Сѵнода[4]). Однако это распоряженіе не было приведено въ исполненіе, Сѵнодъ взглянулъ на дѣло иначе, и нашелъ, что «тѣ школы

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 4975.
[2]) Тамъ же № 3703.
[3]) Тамъ же № 4326.
[4]) Тамъ же № 4975.

до духовнаго правительства не подлежатъ»[1]). Такимъ образомъ, эти школы оставались нѣкоторое время какъ бы внѣ всякаго вѣдѣнія, пока въ 1731 году не были переданы опять въ управленіе адмиралтействъ-коллегіи[2]). Наконецъ, въ 1744 году цыфирныя школы соединены были съ гарнизонными[3]), о которыхъ скажемъ ниже.

И такъ, широко задуманный Императоромъ Петромъ планъ всеобщаго обязательнаго обученія не удался, потому что не было принято никакихъ мѣръ для его исполненія, и въ теченіе 30-ти лѣтъ цыфирныя школы существовали почти лишь по имени.

Между тѣмъ, для кипучей государственной дѣятельности Петра нужны были люди, и этихъ людей требовалось приготовить поскорѣе.

Съ этою утилитарною цѣлью учреждены были навигацкая и инженерная школы, предписано было въ 1719 году послать къ доктору Блументросту, для приготовленія въ лѣкаря, 30 солдатскихъ дѣтей, подготовленныхъ нѣсколько въ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ[4]). Въ 1721 году велѣно было учредить школу для приготовленія къ гражданской службѣ, куда помѣщать дѣтей приказныхъ, и обучать въ ней грамотности (стилю письма), ариѳметикѣ и счетоводству, съ тѣмъ, чтобы только окончившіе въ ней курсъ имѣли право на опредѣленіе въ службу[5]). Едва-ли, впрочемъ, училище это было открыто, потому что впослѣдствіи никакого упоминанія о немъ не встрѣчается. Въ 1725 году предписано было прислать изъ главнѣйшихъ городовъ въ Петербургъ 35 купеческихъ дѣтей, и раздать ихъ капиталистамъ для того, чтобы подъ ихъ руководствомъ изучали торговлю[6]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 9054.
[2]) Тамъ же № 5788.
[3]) Тамъ же № 9054.
[4]) Тамъ же № 3375.
[5]) Тамъ же № 3845.
[6]) Тамъ же № 4731.

Въ тѣхъ же практическихъ видахъ, выписывались иностранцы изъ чужихъ краевъ и русскіе посылались за границу. Въ 1715 году поручено было генералу Вейде вызвать изъ иностранныхъ государствъ, а также и изъ Лифляндіи, образованныхъ практическихъ юристовъ, для опредѣленія ихъ въ коллегіи [1]).

Въ 1716 году приказано было выбрать въ московскихъ латинскихъ школахъ пять хорошихъ учениковъ и отправить ихъ въ Персію къ посланнику Волынскому, для изученія тамъ языковъ арабскаго, турецкаго и персидскаго [2]). Въ томъ же году приказано было послать въ Кенигсбергъ 40 подъячихъ, отъ 15-ти до 20-ти лѣтъ отъ роду, «молодыхъ робятъ добрыхъ и ученыхъ, которые бы могли науку воспріять», и тамъ учить ихъ по нѣмецки, «дабы удобнѣе въ коллегіумѣ были, и послать за ними надзирателя, чтобы они не гуляли» [3]).

Академія Наукъ.

Самое важное по учебной части учрежденіе, задуманное Императоромъ Петромъ и приведенное въ исполненіе его преемницею, было основаніе Академіи Наукъ. Страна вовсе не была подготовлена для высшаго ученаго учрежденія; государь сознавалъ это, въ указѣ объ основаніи Академіи прямо говорится: «прямыхъ школъ, гимназіевъ и семинаріевъ нѣтъ, въ которыхъ бы молодые люди началамъ обучиться, и потомъ выше градусы наукъ воспріять, и угодными себя учинить могли»; точно также видѣлъ государь, что недостаточно имѣть одни среднія учебныя заведенія, что должны быть и высшія, то есть университеты, какъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ; и не смотря на все

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 2928.
[2]) Тамъ же № 2978.
[3]) Тамъ же № 2997.

это рѣшился учредить прямо Академію Наукъ. Онъ полагалъ возможнымъ достигнуть разомъ трехъ цѣлей, именно созданіе высшаго ученаго, высшаго учебнаго и средне-учебнаго заведенія — въ одной Академіи Наукъ, дабы, какъ сказано въ указѣ объ ея основаніи, «такимъ бы образомъ одно зданіе, съ малыми убытками, тое же бы съ великою пользою чинило, что въ другихъ государствахъ три разныя собранія чинятъ».

Академическая гимназія.

Гимназія была раздѣлена на два отдѣленія—низшее и высшее; первое называлось нѣмецкою школою и состояло изъ трехъ классовъ, второе носило названіе латинской школы, заключавшей въ себѣ два, а иногда три класса. Такъ какъ учители долгое время были нѣмцы, то и преподаваніе въ низшихъ классахъ происходило на нѣмецкомъ языкѣ, а въ старшихъ на латинскомъ, съ помощію нѣмецкаго. Устава гимназіи никогда издано не было; сами директоры составляли уставы, по своему усмотрѣнію, и это право предоставлялось имъ контрактами, заключавшимся съ ними при вызовѣ ихъ изъ заграницы. Предметы преподаванія то прибавлялись, то уменьшались; такъ напримѣръ, введены были итальянскій и англійскій языки, а одно время и фортификація. Управленіе гимназіею усложнялось подчиненіемъ ея Академіи: обыкновенно одинъ изъ академиковъ назначался главнымъ начальникомъ гимназіи съ званіемъ инспектора, и, кромѣ него, были еще ректоръ и конректоръ, обязанности и отношенія коихъ между собою не были точно опредѣлены. Впослѣдствіи въ помощь учителямъ назначались студенты, еще продолжавшіе ученье въ университетѣ. Ученики не обязаны были проходить полный гимназическій курсъ, а, по желанію своихъ родителей, выбирали изъ него только нѣкоторые предметы, обыкновенно новые языки. Въ первые годы учрежденія гимназіи въ нее поступали дѣти хорошихъ фамилій, но это продолжалось недолго, гим-

назія наполнялась учениками изъ низшихъ сословій, и въ особенности солдатскими дѣтьми, которыхъ иногда назначали изъ гвардейскихъ полковъ по наряду; позже стали принимать въ нее семинаристовъ; поступавшіе въ гимназію были иногда 20-ти лѣтніе. Но всѣ эти принудительныя мѣры не умножали значительно числа учениковъ гимназіи, и изъ нихъ весьма немногіе поступали въ университетъ. Съ цѣлію укомплектованія гимназіи, открыто было при ней въ 1765 году малолѣтнее отдѣленіе, но изъ него немного учениковъ переходило въ гимназію. Въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II, черезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ открытія гимназіи, въ ней было только 70 учениковъ [1]).

Академическій университетъ.

Университетъ былъ безъ профессоровъ и безъ студентовъ. Академики, долгое время исключительно иностранцы, отрываемые отъ своихъ ученыхъ трудовъ чтеніемъ лекцій, весьма неохотно занимались преподаваніемъ. Изъ Германіи выписаны были въ 1726 году восемь студентовъ, содержавшихся на казенный счетъ, изъ нихъ пять сдѣлались впослѣдствіи извѣстными учеными, именно: Миллеръ, Крафтъ, Вейпрехтъ, Крамеръ и Гмелинъ. Для наполненія аудиторій, профессора ходили на лекціи другъ къ другу, адъюнкты увеличивали также число слушателей [2]). Всѣ исходившія отъ президентовъ понужденія академиковъ къ преподавательской дѣятельности ни къ чему не приводили. Въ 1747 году введены были въ составъ Академіи отдѣльные пять профессоровъ собственно для преподаванія, но и эта мѣра оказалась также безуспѣшною.

Послѣ 1726 по 1732 годъ не встрѣчается въ протоколахъ Академіи ни упоминанія о студентахъ, ни опредѣленій о выдачѣ имъ содержанія, конечно потому, что по распредѣленіи при-

---

[1]) См. Протоколы Академіи Наукъ.

[2]) Müller. Zur Geschichte der Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. (Рукопись).

везенныхъ изъ Германіи студентовъ къ разнымъ должностямъ,— такъ называемый университетъ въ дѣйствительности не существовалъ. И гораздо позже находимъ то же явленіе; такъ въ протоколахъ Академіи за 1753 годъ читаемъ: «при университетѣ никакихъ лекцій нѣтъ, кромѣ лекцій профессора Броуна». Въ 1757 году Президентъ Академіи графъ Разумовскій писалъ: «Отъ давняго уже времени ни одинъ профессоръ въ университетѣ лекцій не читаетъ, и академическіе студенты находятся безъ всякаго ученія».

Однако, такъ какъ университетъ долженствовалъ быть по уставу Академіи, то стали набирать студентовъ изъ немногихъ бывшихъ тогда духовно-учебныхъ заведеній, именно изъ Александровской и Новгородской семинарій, и въ особенности изъ Московской славяно-греко-латинской Академіи, по большей части мало подготовленныхъ для высшаго преподаванія, такъ что имъ приходилось доучиваться въ гимназіи, «ибо они отъ профессоровъ «принимать лекціи не гораздо еще въ хорошемъ состояніи». Въ 1733 году взято было въ студенты 12 учениковъ изъ Московской Спасской школы; лучшіе изъ нихъ посланы были въ ученую экспедицію въ Камчатку, а остальные оставались безъ призрѣнія и безъ лекцій. Въ 1736 году вновь набрано было въ той же школѣ 12 воспитанниковъ, и точно также ничему не обучались, потому что академики ничего не преподавали. Они жаловались на это Сенату, который и вмѣнилъ въ обязанность академикамъ читать лекціи, «что̀ нѣсколько времени и продолжалось», пишетъ Ломоносовъ, «и по экзаменѣ даны имъ добрые аттестаты, для показу; а произведены лучшіе въ переводчики, и прочіе жъ распредѣлены по другимъ мѣстамъ, и лекціи почти совсѣмъ прекратились».

Въ 1743 году при Академіи въ дѣйствительности не было никакого университета. При вступленіи въ президенты Академіи графа Разумовскаго, изъ прежнихъ академическихъ воспитанниковъ оставалось только двое.

24 іюня 1747 года изданъ былъ регламентъ Академіи

Наукъ, по которому въ академическомъ университетѣ положено было 12 каѳедръ и 30 студентовъ. Въ слѣдующемъ году поручено было Тредіаковскому выбрать въ это число студентовъ учениковъ изъ семинарій Новгородской, Александро-Невской и изъ Московскихъ училищъ Спасскаго монастыря, что и было имъ исполнено. Шесть академиковъ назначены были къ чтенію лекцій: теоретической и практической астрономіи, анатоміи, физіологіи, химіи, механики и ботаники. Въ 1748 же году составленъ былъ Тепловымъ проектъ устава этого университета, который былъ утвержденъ графомъ Разумовскимъ 10 августа 1750 года.

Но уставъ не исполнялся. Въ концѣ царствованія Императрицы Елизаветы, когда учебныя заведенія Академіи поручены были Ломоносову, онъ соединилъ студентовъ въ общежитіе, обязалъ пять академиковъ читать лекціи, и побудилъ графа Разумовскаго объявить 14 февраля 1760 года правила для университета, раздѣленнаго на три факультета: философскій, юридическій и медицинскій.

И это мало помогло дѣлу. Ломоносовъ находилъ причину всѣхъ неустройствъ этого, такъ называемаго, университета въ томъ, что онъ не имѣлъ привилегій, и потому хлопоталъ о дарованіи разныхъ правъ учащимся, а главное учащимъ, какъ-то: чиновъ, пенсій, и т. п. Заинтересовавъ въ этомъ И. И. Шувалова, онъ былъ совершенно увѣренъ въ успѣхѣ своихъ ходатайствъ до такой степени, что сочинилъ уже и рѣчь на случай торжественнаго открытія привилегированнаго университета: но кончина Императрицы Елизаветы положила конецъ этимъ надеждамъ.

Извѣстный академикъ, и историографъ Миллеръ находилъ: 1) «что прежде привилегіи, надлежитъ опробовать университетскій регламентъ, потому что объ ономъ въ привилегіи упоминается, яко объ опробованномъ, 2) что прежде инавгураціи, стараться должно о снабденіи университета довольнымъ числомъ профессоровъ во всѣхъ факультетахъ, потому что во всѣхъ факультетахъ градусы давать предложено; что надобно стараться

о умноженіи числа студентовъ, а особливо такое учрежденіе учинить, дабы и дворянство могло пріохочивано быть къ отдачѣ своихъ дѣтей въ университетъ, для обученія ученыхъ языковъ и наукъ, 3) а прежде какъ университетъ въ такомъ состояніи будетъ, не думаю я, что инавгурацію учинить должно, потому что она значитъ полнаго университета совершенство» [1]).

Но до этого было весьма далеко: университетъ существовалъ только по имени. «При Академіи Наукъ», писалъ Ломоносовъ, «не только настоящаго университета не бывало, но еще ни образа, ни подобія университетскаго не видно» [2]).

Въ сороковыхъ годахъ обязали академиковъ читать публичныя лекціи, разосланы были печатныя о томъ объявленія: но публика на нихъ не являлась [3]).

Занятія профессоровъ со студентами были, такъ сказать, индивидуальныя, по одиночкѣ; иногда, вмѣсто университета, студенты ходили ихъ слушать къ нимъ на дому. Этимъ способомъ академики готовили себѣ помощниковъ, и нерѣдко изъ нихъ образовывались весьма достойные ученые. По окончаніи курса, студентъ производился прямо въ адъюнкты Академіи, и посылался иногда въ германскіе университеты, для дальнѣйшаго образованія.

Этимъ какъ бы буквально исполнялось одно изъ положеній Академіи Наукъ при ея учрежденіи, чтобы академики «нѣкоторыхъ «людей при себѣ обучали, которые бы молодыхъ людей первымъ фундаментамъ всѣхъ наукъ паки обучать могли».

Число студентовъ не превышало 20-ти, обыкновенно же ихъ было менѣе: чрезъ сорокъ лѣтъ послѣ учрежденія университета, студентовъ было почти столько же, сколько при его открытіи, именно 9 человѣкъ.

---

[1]) Билярскаго, Матеріалы для біографіи Ломоносова. СПб. 1865 г. стр. 409.

[2]) Чтенія Общества исторіи и древностей россійскихъ. 1865 г. кн. 1, стр. 59.

[3]) Пекарскаго, Исторія Академіи Наукъ. Томъ 2. СПб. 1873 г. стр. 326, 328, 337, 359, 360.

Въ царствованіе Императрицы Елизаветы, академическій университетъ оставался въ прежнемъ жалкомъ состояніи, почти пустымъ, такъ что, по одному свидѣтельству, въ 1763 году университета уже вовсе не было [1]). Въ 1782 году въ университетѣ было только два студента; а въ слѣдующемъ 1783 году княгиня Дашкова, при назначеніи ея Президентомъ Академіи Наукъ, нашла въ университетѣ также только двухъ студентовъ, «которые» прибавляетъ она, «еще ничего не могли переводить даже съ нѣмецкаго» [2]).

Грубость нравовъ того времени, особенно въ средѣ, изъ которой выходили студенты, влекла за собою и грубость обращенія съ ними: студентовъ сѣкли розгами, отдавали въ матросы, а за менѣе важные проступки переводили учениками въ гимназію, съ правомъ однако слушать лекціи въ университетѣ; въ сущности это было денежное взысканіе, такъ какъ содержаніе гимназиста было меньше оклада студента [3]).

И такъ, академическій университетъ былъ въ сущности фикція, а гимназія крайне неудовлетворительная. Но если бы оба эти учрежденія и были устроены правильно и осуществились не на бумагѣ только, а на дѣлѣ, очевидно, что и тогда одна гимназія не могла бы доставить достаточный контингентъ для университета, а одинъ университетъ не былъ бы въ состояніи подготовить достаточное число ученыхъ для Академіи. Нельзя поэтому не признать, что мысль соединенія въ Академіи Наукъ высшаго и средняго учебнаго заведенія была ошибочна, что и подтвердилось послѣдствіями. — Но это еще не самый дурной результатъ неправильно составленнаго плана: если бы только не удались два учебныя заведенія, съ этимъ легко можно было бы примириться. Гораздо хуже неправильное направленіе, данное этимъ учрежденіемъ всему народному образованію: имѣя Академію, университетъ, гимназію, общество пріучилось смотрѣть

[1]) Георги, Описаніе столичнаго города Санктпетербурга, стр. 334.
[2]) Архивъ князя Воронцова. Книга 21, стр. 393—394.
[3]) Протоколы Академіи Наукъ.

на себя какъ на европейски образованное, не замѣчая что изъ Европы взята одна внѣшность, одно подобіе образованія, а не его сущность, и такое направленіе продолжалось и впослѣдствіи; оно, къ сожалѣнію, видно и доселѣ; этимъ-то объясняется сопротивленіе извѣстной части общества всякому серьезному ученію, и, если угодно, исторически даже оправдывается, — таково теченіе нашей образованности; идти провивъ него значитъ идти противъ теченія.

Утилитарность, практическая непосредственная примѣнимость ученія для государственныхъ потребностей, составлявшія сущность всѣхъ начинаній Петра по учебной части, продолжали и послѣ него руководствовать правительствомъ.

Гарнизонныя школы.

Въ 1731 году учрежденъ былъ шляхетный кадетскій корпусъ. Въ 1732 году положено было основаніе гарнизонныхъ школъ, при пѣхотныхъ гарнизонныхъ полкахъ, для обученія солдатскихъ дѣтей, отъ 7-ми до 15-ти лѣтъ, для того, чтобы изъ этихъ кантонистовъ набирать впослѣдствіи солдатовъ, «дабы впредь польза государству и въ рекрутахъ облегченіе было» [1]). Школы эти разсчитаны были на 4000 учениковъ, и состояли въ вѣдѣніи комендантовъ. Гарнизонныя школы учреждены были въ Петербургѣ, Кронштадтѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Нарвѣ, Выборгѣ, Кексгольмѣ, Москвѣ, Казани, Смоленскѣ, Астрахани, Воронежѣ, Бѣлгородѣ, въ крѣпости св. Анны и въ Сибири. Съ этими-то гарнизонными школами соединены были въ 1744 году цыфирныя школы, прекратившія такимъ образомъ свое эфемерное существованіе [2]).

Въ 1752 году велѣно было устроить школы на Украинской линіи при шести поселенныхъ тамъ полкахъ: тамбовскомъ, слободскомъ, ефремовскомъ, орловскомъ, бѣлевскомъ и козловскомъ, при которыхъ поселены были однодворческія слободы для одно-

[1]) Полное Собр. Зак. № 6188.

[2]) Тамъ же № 9054.

дворческихъ дѣтей, всего на 150 учениковъ, полагая по 25-ти на школу. Учителемъ въ школу назначался оберъ-офицеръ расположеннаго въ слободѣ полка, а помощникомъ ему опредѣлялся ротный писарь или унтеръ-офицеръ; инженерные и артиллерійскіе офицеры должны были обучать въ нихъ своимъ спеціальностямъ [1]).

Приготовленіе лѣкарей и повивальныхъ бабокъ.

Лѣкаря и аптекаря приготовлялись, по прежнему, практически при госпиталяхъ и аптекахъ, подъ руководствомъ иностранныхъ медиковъ, которые преподавали на латинскомъ языкѣ. Въ открытомъ въ 1707 г. въ Москвѣ госпиталѣ вызванный изъ Голландіи врачъ Бидлоо, до самой смерти своей въ 1735 г., обучалъ, преимущественно практически, наглядно, набранныхъ изъ славяно-греко-латинской академіи учениковъ; ихъ полагалось имѣть 50 человѣкъ, но рѣдко комплектъ этотъ наполнялся, вслѣдствіе затрудненій, встрѣчавшихся отъ духовнаго вѣдомства, нуждавшагося въ своихъ ученикахъ для потребностей церкви. Въ 1733 г. устроены были медицинскія школы въ Петербургѣ при госпиталяхъ сухопутномъ и морскомъ на 20 учениковъ; въ Кронштадтскомъ госпиталѣ содержалось ихъ сначала 8, а въ 1735 г. прибавлено еще 7. Въ эти школы поступали обыкновенно дѣти петербургскихъ иностранныхъ мастеровыхъ и ремесленниковъ [2]). Въ 1754 году приказано было прислать въ госпитали и аптеки студентовъ изъ семинарій Кіевской, Харьковской, Черниговской и Переяславской и изъ Московской славяно-греко-латинской академіи [3]).

Въ томъ же году, по предложенію лейбъ-медика Кондоиди, положено было открыть по одной школѣ въ Москвѣ и Петербургѣ, для образованія присяжныхъ повивальныхъ бабокъ, и

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 9972.

[2]) См. Чистовича, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 10196.

назначить въ нихъ преподавателями по одному доктору и по одному лѣкарю, съ наименованіемъ первыхъ профессорами «бабичьяго дѣла», а вторыхъ акушерами. Въ Москвѣ полагалось имѣть 15, а въ Петербургѣ 10 повивальныхъ бабокъ, а потомъ, когда число ихъ умножится, опредѣлить по одной бабкѣ въ каждый губернскій городъ, а позже и въ каждый провинціальный городъ, «дабы современемъ ими все государство удовольствовать» [1]).

Число учениковъ въ петербургскомъ госпиталѣ увеличено было въ 1765 году до 50-ти.

Въ 1755 году учрежденъ былъ Московскій университетъ, но плоды его ученой дѣятельности явились гораздо позже.

Недоросли изъ дворянъ подвергались, по прежнему, экзамену въ разные сроки, смотря по ихъ возрасту до 20-ти лѣтъ, когда опредѣлялись въ службу [2]).

Проектъ И. И. Шувалова объ учрежденіи гимназій и школъ.

И. И. Шувалова озабочивало безпомощное положеніе дворянскихъ дѣтей, какъ въ учебномъ, такъ и въ служебномъ отношеніи. Не получая никакого образованія, и теряя напрасно первые юношескіе годы, они поступали потомъ на службу солдатами, подвергались побоямъ за неисправности по службѣ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ производились въ унтеръ-офицеры, да и къ этой должности не всегда были подготовлены, «по снисхожденію командировъ, ибо всякому совѣстно, взыскивая строгую исправность, бить своего брата дворянина за малый проступокъ».

Въ ноябрѣ 1760 года Шуваловъ вошелъ въ Сенатъ съ представленіемъ о томъ, чтобы не требовать дворянскихъ дѣтей на службу до 18-ти лѣтняго возраста, чтобы до тѣхъ поръ они учились, а, по выдержаніи экзамена, производились прямо въ офицеры, какъ ученики кадетскаго корпуса.

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 10214.

[2]) Тамъ же № 7171.

Но какъ и гдѣ могли они учиться? Въ этомъ именно и было непреодолимое затрудненіе: немногія учебныя заведенія существовали только въ двухъ столицахъ, да только что открылась гимназія въ Казани, а дворянскія дѣти разсѣяны были по всей имперіи. При томъ, и малочисленныя тогда училища были вообще не въ цвѣтущемъ состояніи.

«По всевысочайшей Ея Императорскаго Величества волѣ, по представленію Правительствующаго Сената», писалъ Шуваловъ, «я удостоенъ быть куратором московскаго университета. Съ крайнимъ сожалѣніемъ представить долженъ, что успѣхи не соотвѣтствуютъ Императорскаго Величества волѣ; многія тому препятства, которыхъ я отвратить не въ состояніи, если основаніе воспитанія перемѣнено не будетъ, о чемъ одинъ приступъ имѣю честь представить Правительствующему Сенату».

Этотъ именно *приступъ* и составляетъ существенную заслугу Шувалова по народному образованію: онъ первый понялъ, въ свое время, что единичныхъ, на перечетъ тогда бывшихъ учебныхъ заведеній недостаточно для просвѣщенія обширнаго государства, что образованіе нужно обобщить, сдѣлать всѣмъ доступнымъ, всеобщимъ, по крайней мѣрѣ, для дворянства, которое одно тогда училось, и что система образованія должна быть обще-европейская.

Шуваловъ предложилъ учредить въ большихъ городахъ гимназіи, а въ малыхъ городахъ—школы грамотности, въ которыхъ можно было бы приготовлять дѣтей къ гимназіямъ. По окончаніи гимназическаго курса, юноши должны были переходить въ кадетскій корпусъ или въ университетъ, и, по окончаніи тамъ образованія, поступать въ военную или гражданскую службу.— «И когда дворяне», прибавлялъ Шуваловъ, «выучась, по примѣру европейскихъ государствъ, прямо чины офицерскіе получать станутъ, не служа солдатами и унтеръ-офицерами, то польза будетъ слѣдующая: употреблять способныя свои лѣта къ полезному ученію, получать чины, сходные съ ихъ рожденіемъ, и не будутъ штрафованы неприличнымъ дворянину наказаніемъ». Шуваловъ

полагалъ, что учрежденіе цѣлаго такого ряда учебныхъ заведеній, по тогдашней дешевизнѣ жизни во внутреннихъ губерніяхъ, не обойдется слишкомъ дорого», впрочемъ прибавлялъ: «да если бы оное и великаго содержанія стоило, но, въ разсужденіи изъ того великой пользы, ни за что почесть должно».

Въ наше время, этотъ проектъ, конечно, представляется одностороннимъ, узкимъ, сословнымъ, исключительно дворянскимъ, но въ эпоху его составленія только одно дворянство, и то въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, было въ состояніи цѣнить образованіе, и если бы плодами его воспользовалось это сословіе, то можно было бы сказать, что оно распространилось на всю страну, разумѣя подъ этимъ именемъ всѣхъ тѣхъ, которые сознавали потребность въ просвѣщеніи.

Сенатъ, одобривъ патріотическое усердіе Шувалова, предоставилъ ему развить его мысль, представивъ подробности устройства и содержанія предполагавшихся имъ гимназій и школъ, и для того уполномочилъ его обратиться ко всѣмъ учрежденіямъ, которыя могутъ быть полезными въ этомъ дѣлѣ, и въ томъ числѣ въ Академію Наукъ [1]).

По порученію Сената, И. И. Шуваловъ просилъ академиковъ составить ему свои соображенія: 1) въ какихъ именно городахъ должны быть учреждены гимназіи и школы, и 2) какимъ наукамъ слѣдуетъ въ нихъ обучать.

На эти вопросы отвѣчали академики Браунъ, Цейгеръ, Фишеръ, Котельниковъ и адъюнктъ академіи Протасовъ. Академики Миллеръ, Эпинусъ и Модерахъ присоединились къ мнѣніямъ Брауна и Цейгера, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ со стороны Эпинуса.

Впрочемъ, на первый вопросъ не послѣдовало положительнаго отвѣта: одни извинялись незнаніемъ Россіи, другіе указывали, въ общихъ выраженіяхъ, на обширные портовые и вообще зна-

---

[1]) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. 1858 г. Книга 3, въ Отдѣлѣ «Смѣсь», стр. 113—121. Полное Собраніе Законовъ № 11144.

чительные города, въ которыхъ много дворянъ, чиновниковъ и богатыхъ купцовъ, и въ окрестностяхъ коихъ живетъ дворянство, гдѣ слѣдовало бы открыть гимназіи; академикъ Фишеръ назвалъ прямо Казань, но тамъ уже въ то время гимназія была учреждена.

Что касается до курса, который слѣдовало бы установить для гимназій и школъ, и до связи обоего рода этихъ учебныхъ заведеній между собою, то, по видимому, сословное значеніе, которое давалъ имъ Шуваловъ, подало поводъ и академикамъ предложить для нихъ курсъ не общій для всѣхъ учениковъ, а видоизмѣняющійся, соотвѣтственно съ тѣмъ званіемъ, къ которому каждый себя готовилъ. Всѣ они, за исключеніемъ Котельникова, полагали особые планы преподаванія для учениковъ, предназначавшихся къ высшему образованію, какъ дворяне и желающіе быть учеными, и другой курсъ для купеческихъ дѣтей, также различный для мальчиковъ низшихъ сословій. Для первыхъ считали необходимымъ изученіе не только латинскаго, но и греческаго языка, для купцовъ — англійскаго и голландскаго языковъ; для будущихъ военныхъ нѣкоторыя военныя науки, какъ-то—фортификацію, артиллерію и т. п. Съ наибольшею опредѣленностію разъяснилъ эту мысль академикъ Цейгеръ: онъ предлагалъ раздѣлить какъ школу, такъ и гимназію на отдѣлы (Abtheilungen oder Stufen), изъ которыхъ каждый заключалъ бы въ себѣ нѣсколько классовъ; въ нижнемъ отдѣлѣ всѣ предметы преподаванія, въ томъ числѣ латинскій языкъ, должны быть обязательными для всѣхъ учениковъ; въ слѣдующемъ—второмъ отдѣлѣ только не многіе ученики освобождались изъ изученія нѣкоторыхъ предметовъ; въ третьемъ отдѣлѣ приготовлять будущихъ ученыхъ основательнымъ ученіемъ латинскаго и греческаго языковъ и ихъ литературы, и въ четвертомъ—тѣхъ, которые предназначаютъ себя для службы.

Неосновательность этого взгляда такъ очевидна, что не стоитъ на ней и останавливаться: ни въ какомъ ребенкѣ нельзя предвидѣть что изъ него выйдетъ, потому-то общее образованіе и должно быть для всѣхъ одинаковое.

Исходя изъ той же идеи сословности, и находя нужнымъ доставить разнымъ сословіямъ различные пути къ образованію, академикъ Фишеръ указывалъ болѣе практическій путь для осуществленія этой мысли, именно не бифуркацію курса, а учрежденіе особыхъ школъ для разныхъ сословій, какъ-то: для крестьянъ, для купцовъ, дѣти которыхъ должны обучаться въ городахъ; дворяне, приготовляющіеся къ военной службѣ, учатся въ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ и т. п.

Курсъ гимназій предлагался весьма разнообразный и многопредметный; въ него включались, напримѣръ, и права естественное и международное и политика, а въ такъ называемыхъ академическихъ гимназіяхъ всѣ вообще юридическія науки, и даже медицина. Но всѣ академики сходились въ томъ, что основаніемъ подготовленія для высшихъ наукъ должны служить studia humanitatis.

Всѣ они также находили, что школы, которыя имѣлись въ виду для небольшихъ городовъ, слѣдуетъ устроить такъ, чтобы онѣ, кромѣ общихъ началъ грамотности, для всѣхъ необходимыхъ, служили бы и подготовительными училищами для гимназій, или низшими ихъ классами, по нынѣшнему были бы прогимназіями, изъ которыхъ ученики переходили бы въ гимназіи, почему всѣ вводили въ ихъ курсъ латинскій языкъ, кромѣ Эпинуса, который, вѣроятно, смотрѣлъ на нихъ, какъ на простыя школы грамотности.

Фишеръ и Протасовъ обратили вниманіе и на выборъ учителей: первый указывалъ, что ихъ слѣдуетъ испытывать въ Академіи, дабы дурнымъ преподаваніемъ несвѣдущихъ людей не вселить въ ученикахъ отвращенія къ наукамъ, а другой настаивалъ на томъ, чтобы они были природные русскіе, что, конечно, было желательно, но, по тогдашнему состоянію нашего просвѣщенія, неисполнимо.

Всѣ эти разсужденія изложены лишь въ общемъ видѣ, а не въ формѣ подробнаго положенія, не приложено ни числа уроковъ, ни штатовъ, однимъ словомъ, это были только мысли, не получившія положительной опредѣленности.

Остались онѣ безъ результатовъ, вѣроятно, за послѣдовав-

шею вскорѣ кончиною Императрицы Елизаветы, имѣвшею послѣдствіемъ удаленіе отъ государственныхъ дѣлъ Шувалова. Но за нимъ остается несомнѣнная заслуга предъявленія впервые мысли объ образованіи цѣлаго сословія, что̀ въ то время, какъ уже сказано, было однозначи́тельно со всеобщимъ просвѣщеніемъ страны, гдѣ тогда стояли особнякомъ, единицами, и то только въ столицѣ, нѣкоторыя учебныя заведенія, со спеціальнымъ, по большей части, назначеніемъ [1]).

Въ такомъ положеніи застала учебную часть Императрица Екатерина II; вся она заключалась только въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, потому мы и постараемся представить ихъ, такъ сказать, біографію.

Морской кадетскій корпусъ.

14 января 1701 года изданъ былъ указъ объ учрежденіи въ Москвѣ, въ Сухаревой башнѣ, въ вѣдѣніи Оружейной палаты, школы «математическихъ и навигацкихъ, то есть мореходныхъ хитростно искуствъ ученія». Директоромъ этой школы назначенъ былъ Фарварсонъ (Farwarson), профессоръ Абердинскаго университета, котораго въ 1698 году Императоръ Петръ I, бывши въ Лондонѣ, пригласилъ перейти въ русскую службу.

Учебный курсъ для этой школы, составленный самимъ Государемъ, вмѣстѣ съ Фарварсономъ, состоялъ изъ ариѳметики, геометріи, тригонометріи, съ ихъ практическими приложеніями къ геодезіи, и въ особенности къ мореплаванію, для чего включены были въ оный навигація и часть астрономіи. Ученики, числомъ 500, поступали въ школу отъ 12-ти до 17-ти лѣтъ, иногда даже до 20-ти. Въ первое время, кромѣ Магнитскаго,—всѣ учители были англичане, худо знавшіе русскій

[1]) Дѣла Архива Академіи Наукъ за декабрь 1760 г., подъ № 258. Эти отзывы академиковъ напечатаны у Сухомлинова, *Исторія Россійской Академіи*, Выпускъ 3. Спб. 1876 г. 54—56, 87—90, 328—332, 333—335.

языкъ. Эта школа, въ то время единственное правительственное свѣтское училище въ Россіи, должна была приготовлять молодыхъ людей не только къ морскому дѣлу, но и ко всѣмъ родамъ службы, даже просто обучать грамотѣ. И дѣйствительно изъ нея выходили не только моряки, но и артиллеристы, инженеры, преподаватели во вновь учреждаемыя училища, геодезисты, архитекторы, гражданскіе чиновники, даже писаря и мастеровые.

Этотъ энциклопедизмъ легъ въ основаніе учебныхъ плановъ и впослѣдствіи открытыхъ военныхъ училищъ, перешелъ потомъ всецѣло въ учебный курсъ шляхетнаго кадетскаго корпуса, и, къ сожалѣнію, остался даже въ нихъ и въ наше время.

Въ такомъ составѣ и съ такимъ планомъ ученія навигацкая школа просуществовала 15 лѣтъ. Нѣкоторые изъ окончившихъ въ ней курсъ посылались, подъ именемъ навигаторовъ, на службу въ иностранные флоты, для практическаго пріученія къ морю.

1-го октября 1715 года открыта была въ Петербургѣ морская академія, а московская навигацкая школа осталась какъ бы приготовительнымъ для нея училищемъ, съ однимъ общимъ первоначалънымъ курсомъ, состоявшимъ изъ русской грамоты, ариѳметики, геометріи и тригонометріи, а всѣ спеціальные предметы перенесены были въ курсъ морской академіи. Впрочемъ, курсъ обоихъ училищъ не былъ строго разграниченъ, потому что приходилось принимать вовсе не подготовленныхъ юношей и въ морскую академію, почему при ней, какъ и при навигацкой школѣ, устроены были простыя школы грамотности, такъ называемыя цыфирныя и русскія, гдѣ учили чтенію, письму и ариѳметикѣ. Какъ въ морской академіи, такъ и въ навигаціонной школѣ, науки математическія и морскія долгое время преподавались на англійскомъ языкѣ; даже въ 1739 году находили нужнымъ имѣть для нихъ англичанина, «понеже оныя науки состоятъ на англійскомъ языкѣ».

Морская академія, помѣщенная въ домѣ бывшемъ Кикина, на мѣстѣ нынѣшняго Зимняго Дворца, состояла изъ 300 юношей, раздѣленныхъ на шесть отдѣленій или бригадъ, по 50-ти въ

каждой, поступившихъ въ нее, по бо́льшей части, изъ московской навигацкой школы. Въ 1732 году эта академія переведена была въ домъ князя Алексѣя Долгорукова, гдѣ теперь находится академія художествъ.

Съ кончиною Императора Петра I началось паденіе нашего флота, а съ нимъ и морскихъ учебныхъ заведеній. Число учениковъ ихъ постепенно уменьшалось, а такъ какъ въ ученіе назначались тогда недоросли по принужденію, по наряду, то на долю флота стали отводить дѣтей самыхъ бѣдныхъ родителей; ничтожныя суммы, опредѣленныя на содержаніе морскихъ училищъ, не всегда отпускались съ исправностію, и иногда бѣдные ученики не имѣли возможности ходить въ классы, такъ какъ общежитія тогда не было, за неимѣніемъ одежды и обуви. Въ 1731 году, по представленію адмирала Сиверса, число учениковъ въ морской академіи уменьшено было на половину (вмѣсто 300—150), а въ навигацкой школѣ въ пять разъ (вмѣсто 500—100). Но и этотъ комплектъ не наполнялся, и морскія училища постепенно пустѣли [1]). Поддерживалъ ихъ только морской духъ, вдохновенный во флотъ Петромъ, и два выбранныя имъ человѣка, при самомъ учрежденіи училищъ—Фарварсонъ, перешедшій въ морскую академію при самомъ ея открытіи, и Магнитскій, оставшійся въ навигаціонной школѣ; оба они отдали имъ всю свою жизнь, около 40 лѣтъ своей дѣятельности (оба они умерли въ 1739 году).

15 декабря 1752 года основанъ былъ морской шляхетный кадетскій корпусъ, въ которомъ слились морская академія и навигаціонная школа; бо́льшая часть учениковъ ихъ въ него и была переведена; помѣщенъ онъ былъ въ домѣ бывшемъ Мюнниха, въ которомъ и теперь находится; въ началѣ царствованія Императрицы Елизаветы тамъ расположена была придворная итальянская труппа. На содержаніе корпуса назначено было ежегодно 46000 руб.

---

[1]) Въ 1745 году въ обоихъ училищахъ было только 102 ученика, въ 1746 г.—148.

Въ морскомъ корпусѣ положено было содержать 360 кадетъ, раздѣленныхъ на три роты, а въ учебномъ отношеніи на три класса, но такъ, что въ слѣдующій классъ переводили по экзамену только на открывающіяся вакансіи, отчего нѣкоторые ученики, хотя и достаточно подготовленные, должны были оставаться лишнее время въ томъ же классѣ.

Учрежденіе этого учебнаго заведенія составляло дѣйствительное и весьма важное преобразованіе въ способахъ приготовленія морскихъ офицеровъ; это было существеннымъ улучшеніемъ морскихъ училищъ, пришедшихъ въ совершенный упадокъ. Морской корпусъ является устроеннымъ учебнымъ заведеніемъ, съ обширнымъ интернатомъ. Къ сожалѣнію, образцомъ при организаціи его принятъ былъ сухопутный шляхетный корпусъ, почему и всѣ недостатки его вошли и въ морской, въ которомъ находимъ и ту же многопредметность, и то же многочасіе уроковъ. Кромѣ математическихъ и морскихъ предметовъ, необходимыхъ для этого спеціальнаго училища, въ немъ преподавались и политика, и геодезія, и геральдика, и «прочія шляхетныя науки», и на всѣ эти неспеціальные предметы назначено было только два учителя. Впослѣдствіи число преподаваемыхъ предметовъ еще увеличилось: съ 1764 года находимъ тамъ и философію, и пять иностранныхъ языковъ: французскій, нѣмецкій, англійскій, шведскій и датскій. Въ 1783 году прибавлены были еще: гражданскіе законы, итальянскій языкъ, по случаю частыхъ посылокъ въ Средиземное море, и латинскій для тѣхъ учениковъ, которые, какъ и въ сухопутномъ корпусѣ, готовились на преподавательскія должности, на томъ основаніи, что «нѣтъ ни одного учителя искуснаго, который бы не снискивалъ бы великаго успѣха въ словесныхъ наукахъ отъ чтенія латинскихъ древнихъ писателей». Такимъ образомъ, со включеніемъ русскаго языка, въ морскомъ корпусѣ преподавались восемь языковъ,—достаточное условіе, чтобы ученики не знали ни одного основательно. Вѣроятно, это и было впослѣдствіи сознано, потому что въ 1792 году исключены были изъ курса гражданскіе

права и языки датскій и шведскій; за то прибавлена была гражданская архитектура. Учебные часы назначены были: отъ 7 до 11-ти утра и отъ 2-хъ до 6-ти, то есть по восьми уроковъ въ день, какъ въ сухопутномъ корпусѣ.

23 мая 1771 года былъ на Васильевскомъ островѣ сильный пожаръ, отъ котораго выгорѣла съ 7-й до 21-й линіи почти половина острова, въ томъ числѣ и зданія Морскаго корпуса. Тогда онъ былъ переведенъ въ Кронштадтъ, что было неблагопріятно для преподаванія, потому что лучшіе преподаватели не могли оставить Петербурга. Въ 1792 году Императрица пожаловала корпусу Ораніенбаумскій дворецъ; но пока производились тамъ пристройки и передѣлки, Императрица скончалась, а по вступленіи на престолъ Императора Павла, Морской корпусъ переведенъ былъ опять изъ Кронштадта въ Петербургъ.

Комплектъ учениковъ корпуса и штатъ его постепенно увеличивались въ продолженіе всего Екатерининскаго царствованія: въ 1764 году прибавлено было на содержаніе корпуса 20000 р., въ 1783 году по случаю увеличенія нашихъ морскихъ силъ, комплектъ корпуса опредѣленъ былъ въ 600 человѣкъ, а штатъ его увеличенъ почти на 46000 р.; въ 1792 году прибавлено еще 75000 р., такъ что годовое содержаніе корпуса обходилось уже въ 187000 руб.

Изъ морскаго кадетскаго корпуса выпущено было: съ 1753 по 1763 годъ 307 человѣкъ а съ 1763 по 1797 годъ 2149 человѣкъ [1]).

Не смотря на заботливость правительства о морскомъ корпусѣ, первая турецкая война показала, что въ русскомъ флотѣ нѣтъ достаточнаго числа искусныхъ и опытныхъ моряковъ, потому не только морскихъ офицеровъ, но и адмираловъ приходилось искать въ иностранныхъ флотахъ, особенно въ англійскомъ

---

[1]) Веселаго. Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса, съ приложеніемъ списка воспитанниковъ за 100 лѣтъ. Спб. 1852 года.

и датскомъ. Случалось, что сухопутный офицеръ командовалъ кораблемъ, а никогда не служившій во флотѣ А. Г. Орловъ не только начальствовалъ надъ цѣлою эскадрою, но и прославилъ флотъ Чесменскою побѣдою. И во вторую турецкую войну, и въ шведскую, недостатки по морской части были очевидны, и иностранцы по прежнему предводительствовали русскими эскадрами; и это понятно, потому что цѣлый рядъ царственныхъ женщинъ, хотя между ними была и Екатерина, не могли замѣнить собою для флота Петра, его создателя и вдохновителя, его руководителя.

Артиллерійскій и инженерный кадетскій корпусъ.

Въ царствованіе Императора Петра I учреждены были въ Москвѣ и Петербургѣ инженерныя школы, въ которыхъ училось также нѣсколько артиллерійскихъ учениковъ, и, кромѣ того, устроены были артиллерійскія школы при бомбардирской ротѣ и при артиллерійскомъ полку, гдѣ обучали ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи, черченію, фортификаціи и артиллеріи. Эти школы, послѣ смерти Петра, пришли въ упадокъ.

Въ 1730 году Мюннихъ устроилъ въ Петербургѣ, на Литейной, артиллерійскую школу на 60 человѣкъ солдатскихъ «пушкарскихъ» дѣтей, извѣстную впослѣдствіи подъ названіемъ артиллерійской ариѳметической школы; но въ ней не обучали ни артиллеріи, ни даже геометріи, приготовляла же она только писарей и мастеровыхъ.

Бывшій послѣ Мюнниха, генералъ-фельдцейхмейстеромъ, принцъ Людвигъ-Вильгельмъ Гессенъ-Гомбургскій учредилъ въ 1735 году въ Петербургѣ «чертежную артиллерійскую школу», соединивъ ее съ Мюнниховскою артиллерійскою школою. Около этого времени открыта была такая же школа въ Москвѣ, близъ Сухаревой башни.

Назначенный въ 1756 году генералъ-фельдцейхмейстеромъ, графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ соединилъ въ 1758 году

Петербургскую артиллерійскую школу съ инженерною. Въ этой соединенной школѣ было тогда, кромѣ своекоштныхъ, 150 учениковъ изъ дворянъ въ «дворянской школѣ», или «дворянской ротѣ». Въ видѣ отдѣльнаго учебнаго заведенія существовала «соединенная солдатская школа», образовавшаяся изъ соединенія артиллерійской ариѳметической школы съ подобною же инженерною школою.

Въ 1762 году Императрица подтвердила прежній проектъ устройства этого учебнаго заведенія, составленный и выполненный графомъ Шуваловымъ (онъ умеръ въ царствованіе Петра III), съ нѣкоторыми измѣненіями, сдѣланными генералъ фельдцейхмейстеромъ Вильбуа, и наименовала это училище артиллерійскимъ и инженернымъ шляхетнымъ кадетскимъ корпусомъ, опредѣливъ штатъ кадетъ въ 146 человѣкъ.

Кромѣ кадетскаго корпуса, изъ артиллерійской и инженерной школы образовалось еще одно учебное заведеніе, находившееся въ связи съ корпусомъ, именно «школа художества», бывшая «соединенная солдатская школа». Школа эта была назначена для приготовленія артиллерійскихъ унтеръ-офицеровъ и мастеровыхъ, и называлась впослѣдствіи «солдатскою ротою» [1]).

И такъ, впродолженіе полувѣка, инженерныя и артиллерійскія школы не имѣли устойчивости: то созидались онѣ, то уничтожались, или, по крайней мѣрѣ, замирали, то соединялись вмѣстѣ, то раздѣлялись.

Въ 1783 году начальникъ этого корпуса, артиллеріи генералъ-поручикъ Мелиссино представилъ Императрицѣ проектъ преобразованія этого корпуса. 15 іюля 1783 года Государыня поручила Коммисіи объ учрежденіи училищъ обсудить этотъ проектъ. Коммисія отдала его на предварительное разсмотрѣніе Янковича, а потомъ истребовавъ уставъ этого училища и другія о немъ свѣдѣнія, пригласила въ свое засѣданіе П. И. Мелиссино.

---

[1]) Историческій очеркъ образованія и развитія артиллерійскаго училища. 1820—1870 г. Спб. 1870 г. Два тома.

Ознакомившись съ этимъ учебнымъ заведеніемъ, Коммисія нашла, что въ него принимаютъ учениковъ по лѣтамъ, а не по степени учебной подготовки, точно также и переводятъ изъ класса въ классъ, и выпускаютъ кадетовъ по возрасту, а не по ихъ успѣхамъ въ наукахъ, что рота солдатскихъ дѣтей не приноситъ пользы, и что вообще учебный планъ слѣдовало бы составить на болѣе правильныхъ началахъ.

Не касаясь внутренней организаціи и хозяйственной части корпуса, какъ непорученныхъ ея изслѣдованію; Коммисія ограничилась одною учебною ея частью, и предложила: 1) согласно мнѣнію директора, роту солдатскихъ дѣтей упразднить, и вмѣсто нея устроить роту изъ благородныхъ офицерскихъ дѣтей, но съ тѣмъ, чтобы не отдѣлять ее отъ дворянской роты корпуса, и отличать учениковъ между собою «токмо по личнымъ достоинствамъ и успѣхамъ самихъ кадетовъ, а не по дворянству ихъ»; 2) принимать въ корпусъ, переводить изъ класса въ классъ и выпускать учениковъ не по лѣтамъ, а «по способностямъ и знанію»; 3) допускать въ корпусъ своекоштныхъ воспитанниковъ, и наконецъ 4) раздѣливъ кадетъ на три возраста, оставить два младшіе возраста только на время, до тѣхъ поръ, пока разовьются и распространятся народныя училища, а потомъ вовсе ихъ уничтожить, и въ корпусъ принимать только получившихъ достаточную подготовку въ общихъ школахъ, другими словами, обратить корпусъ въ спеціальное учебное заведеніе, согласно прямой цѣли его учрежденія. «Корпусъ въ состояніи чрезъ то будетъ», представляла Коммисія, «на мѣсто малолѣтнихъ и сомнительныхъ кадетъ первыхъ двухъ возрастовъ, содержать тѣмъ бо̀льшее число надежнѣйшихъ въ третьемъ» [1]).

Предположенія Коммисіи были утверждены Императрицею 21-го февраля 1784 года [2]). На дѣлѣ же, не всѣ онѣ были исполнены: самое главное изъ нихъ — объ обращеніи этого училища въ

---

[1]) Журналы Коммисіи объ учрежденіи училищъ (Архивъ Министерства. Народнаго Просвѣщенія).

[2]) Полн. Собр. Зак. № 15934.

исключительно спеціальное, съ закрытіемъ классовъ двухъ низшихъ возрастовъ—не осуществилось, и въ кадеты принимались, по прежнему, дѣти отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ, рота солдатскихъ дѣтей также осталась на прежнемъ основаніи. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ пріемъ и переводъ учениковъ изъ класса въ классъ основывались уже не на однихъ ихъ лѣтахъ, но на ихъ познаніяхъ и успѣхахъ въ наукахъ. Въ концѣ царствованія Екатерины, въ корпусѣ было 60 своекоштныхъ пансіонеровъ, которые производились въ офицеры на ряду съ кадетами [1]).

По штату 1784 годи число кадетъ увеличено до 400.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины, выпущено изъ этого корпуса болѣе тысячи человѣкъ. Кромѣ того, изъ роты солдатскихъ дѣтей выпущено въ унтеръ-офицеры и другія званія около 600.

Шляхетный кадетскій корпусъ.

Шляхетный кадетскій корпусъ учрежденъ былъ указомъ 29 іюля 1731 года на 200 человѣкъ дворянъ, 150 русскихъ и 50 лифляндскихъ и эстляндскихъ, отъ 13-ти до 18-ти лѣтъ отъ роду, и помѣщенъ на Васильевскомъ островѣ, въ домѣ князя Меншикова.

Мысль объ учрежденіи этого учебнаго заведенія принадлежитъ фельдмаршалу Мюнниху: онъ же приводилъ ее въ исполненіе, бывши главнымъ его начальникомъ въ царствованіе Императрицы Анны.

До этого времени офицеры не получали вовсе правильнаго образованія, а выучивались своему дѣлу только практически, въ полкахъ; потому созданіе такого училища не могло не принести огромной пользы для арміи, что вскорѣ и сдѣлалось очевиднымъ

---

[1]) Георги, Описаніе столичнаго города Санктпетербурга 1794 г. стр. 379, 380, 381.

черезъ длинный рядъ военныхъ подвиговъ и отличій его питомцевъ.

По уставу корпуса, утвержденному 15 ноября 1731 года, кадеты раздѣлены были на двѣ роты, по сто человѣкъ въ каждой. Число ихъ, черезъ годъ послѣ основанія корпуса, увеличено было до 360-ти, и, съ теченіемъ времени, все возрастало; такъ, по штату 2 декабря 1760 года ихъ полагалось уже 490, раздѣленныхъ на пять ротъ: гренадерскую, три мушкатерскія, и одну конную. Въ царствованіе Императрицы Екатерины, по штату 29 августа 1762 года, ихъ было уже 600 человѣкъ, и въ концѣ ея царствованія это число дошло до 700.

Съ поступленіемъ корпуса 7 марта 1765 года въ главное завѣдываніе И. И. Бецкаго, управлявшаго имъ до февраля 1773 года, онъ подвергся существенному преобразованію, въ сходственность съ идеями о воспитаніи, которыя проводилъ Бецкій по всѣмъ, подчиненнымъ ему училищамъ, и состоявшимъ въ томъ, чтобы съ младенческихъ лѣтъ отдѣлить дѣтей отъ грубой среды ихъ семействъ, и дать имъ правильное, по его мыслямъ, образованіе, безъ помѣхи со стороны ихъ семей. По плану Бецкаго, корпусъ предполагалось раздѣлить на пять возрастовъ, и принимать въ него дѣтей не старѣе шести лѣтъ отъ роду. Въ эти лѣта ребенокъ поступалъ въ первый возрастъ, и чрезъ каждые три года переходилъ въ слѣдующій возрастъ, такъ что каждый ученикъ долженъ былъ пробыть въ корпусѣ пятнадцать лѣтъ. Кадеты перваго возраста подчинены были женскому надзору, а въ четырехъ остальныхъ — воспитателямъ изъ военныхъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ [1]). Для разсмотрѣнія проекта Бецкаго, Императрица назначила, подъ предсѣдательствомъ графа Н. И. Панина, Коммисію изъ Петра Ивановича Панина, князей Голицыныхъ, генерала (впослѣдствіи фельдмаршала) и вице-канцлера, графа З. Г. Чернышева, ге-

[1]) Александра Висковатова. Краткая исторія перваго кадетскаго корпуса. СПб. 1832 г.

неральъ-поручика Муравьева, и статсъ-секретаря Олсуфьева. Коммисія одобрила предположенія Бецкаго [1]), и они были утверждены Императрицею 11 сентября 1766 года [2]),

Не смотря на всю пользу, принесенную войскамъ учрежденіемъ шляхетнаго корпуса, самая его организація не была правильна. Она грѣшила въ главныхъ своихъ основахъ тѣмъ, что, съ самаго начала, преслѣдовала двѣ цѣли: приготовлять не только военныхъ офицеровъ, но и гражданскихъ чиновниковъ; эта педагогическая ошибка отразилась неблагопріятно на всемъ строѣ этого учебнаго заведенія. Мюннихъ разсуждалъ, что не всякій склоненъ къ военной службѣ, а потому слѣдуетъ нѣкоторыхъ изъ учениковъ приготовлять и къ гражданской, что̀, конечно, съ бо̀льшимъ удобствомъ и бо̀льшею правильностію могло бы быть достигнуто предоставленіемъ имъ возможности переходить въ гражданскія учебныя заведенія. На основаніи такого неправильнаго взгляда и введены были въ корпусъ юридическія и политическія науки и другіе предметы, вовсе ненужные для приготовленія къ военному званію, или вовсе недостаточные по своимъ размѣрамъ, какъ напр., необязательное и въ маломъ числѣ часовъ изученіе латинскаго языка, и это спеціальное военное училище, съ самаго своего основанія, сдѣлалось энциклопедическимъ, что̀, естественно, не могло не умалить пользы отъ него для арміи, и не быть совершенно недостаточнымъ для другихъ отраслей государственнаго управленія. Многопредметность была такова, что ученики одолѣть ее не могли, и потому освобождались отъ изученія многихъ наукъ, даже самыхъ необходимыхъ. Изъ рапорта о состояніи корпуса, поданнаго въ 1733 году Мюннихомъ видно, что обязательными для всѣхъ кадетъ предметами были только три: законъ Божій, ариѳметика и

---

[1]) Сборникъ русскаго историческаго общества. Томъ 10, стр. 100—101.

[2]) Лалаева, Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ главному ихъ управленію, отъ основанія въ Россіи военныхъ школъ до исхода перваго двадцатипятилѣтія благополучнаго царствованія Государя Императора Александра Николаевича 1700—1880. СПб. 1880 г.

военныя упражненія; остальнымъ же наукамъ и языкамъ учился кто хотѣлъ; такъ изъ 245-ти русскихъ кадетовъ только 18 учились русскому языку, французскому 51, латинскому 15, нѣмецкому 237; изъ наукъ: геометріи училось 36, географіи 17, исторіи 28, юриспруденціи 11 [1]).

Задача кадетскаго корпуса усложнялась еще тѣмъ, что въ 1761 году велѣно было обучать тамъ 50 солдатскихъ и мѣщанскихъ дѣтей, для снабженія арміи мастеровыми, и число ихъ вскорѣ было увеличено до 150-ти. Въ 1765 году они были расформированы и замѣнены 50-ю учениками, которыхъ стали приготовлять въ учителя корпуса.

Мало того: въ учебную программу корпуса введены были такъ называемыя «художества»: живопись, гравированіе, ваяніе, дѣланіе статуй, и т. п.

Съ Сумароковымъ этотъ корпусъ сдѣлался и колыбелью русскаго театра; сценическія представленія много занимали кадетъ, отвлекая ихъ отъ изученія наукъ.

Однимъ словомъ, нельзя было устроить болѣе энциклопедическаго учебнаго заведенія, какимъ со временемъ сталъ шляхетный кадетскій корпусъ. Не военныхъ только людей приготовлялъ онъ, но и гражданскихъ чиновниковъ, и педагоговъ, и артистовъ, даже актеровъ. Воспитанниковъ его встрѣчали на всѣхъ поприщахъ, во всѣхъ отрасляхъ гражданской службы. Понадобились-ли межевщики, и въ 1746 году 38 кадетъ отправлены были для межеванія земель въ Ингерманландію, а въ 1756 году 68 выпущенныхъ изъ корпуса кадетъ помѣщены въ межевую канцелярію, для черченія картъ и межеванія земель. Нужны ли были дипломатическіе чиновники, и кадеты, по выпускѣ, опредѣлялись въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, для изученія языковъ, не только тѣхъ европейскихъ, которыхъ не преподавали въ корпусѣ, но и восточныхъ. Гражданская служба всѣхъ вѣдомствъ должна была въ немъ же искать своего контингента, и тѣ изъ кадетовъ,

---

[1]) Соловьева, Исторія Россіи. Томъ 20, стр. 232.

которые къ ней приготовлялись, освобождены были отъ занятія другими науками и отъ фронта.

Въ царствованіе Императрицы Елизаветы Сенатъ вмѣнилъ въ обязанность шляхетному корпусу приготовить для гражданской службы 24 кадета, напоминалъ объ этомъ начальству корпуса, запретилъ занимать такихъ кадетовъ военными упражненіями, но не мало былъ удивленъ, узнавши впослѣдствіи, что такихъ кадетовъ вовсе нѣтъ [1]). Значитъ, расчитывать на этотъ источникъ было нельзя. Еще въ царствованіе Анны Іоановны учреждены были при Сенатѣ и нѣкоторыхъ другихъ присутственныхъ мѣстахъ школы, въ которыхъ приготовлялись, конечно исключительно практически, чрезъ производство письменныхъ дѣлъ, такъ называемые «коллегіи и титулярные юнкеры», которыхъ велѣно было обучать также ариѳметикѣ, геометріи, геодезіи и грамматикѣ [2]); но въ 1763 году эти школы были упразднены, и ученики ихъ распредѣлены въ Московскій университетъ и кадетскіе корпуса, а частію помѣщены на службу, и Сенату вмѣнено въ обязанность предувѣдомлять начальство шляхетнаго корпуса сколько понадобится ему чиновниковъ, для обученія соотвѣтственнаго числа кадетъ юриспруденціи [3]), не смотря на то, что предъидущія царствованія могли бы убѣдить въ ненадежности такой подготовки.

Пока корпусъ былъ въ рукахъ военныхъ людей, какъ знаменитый полководецъ Мюннихъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ принцъ Людвигъ Гессенъ-Гомбургскій (съ 1743 года), даже великій князь Петръ Ѳедоровичъ (съ 12 февраля 1759 года), столь пристрастный ко всему военному, а впослѣдствіи (съ марта 1763 года) князь Н. В. Репнинъ, то военный духъ преобладалъ въ корпусѣ. Но съ назначеніемъ 7 марта 1765 года главнымъ его начальникомъ И. И. Бецкаго, своеобразныя его педагогическія

---

[1]) Соловьева, Исторія Россіи. Томъ 22, стр. 333.
[2]) Тамъ же. Томъ 20, стр. 233.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 11989. 15 декабря 1763 г.

идеи взяли верхъ надъ прямымъ назначеніемъ военно-учебнаго заведенія, и оно стало еще болѣе энциклопедическимъ, потому что, разумѣется, нѣтъ никакой возможности предугадать военныя склонности и способности, даже степени здоровья въ шестилѣтнемъ ребенкѣ — возрастъ, въ которомъ только и принимали въ корпусъ; при томъ, Бецкій былъ военный только по имени, то есть по чину, но вовсе не по призванію и не по знанію военнаго дѣла; онъ былъ, такъ сказать, штатскій военный.

Такое направленіе воспитанія не могло, конечно, не отразиться на его питомцахъ. «Офицеры, которые выходили изъ прежняго кадетскаго корпуса», писалъ въ 1789 году графъ С. Р. Воронцовъ своему брату, «были хорошими военными, и только военными, тѣ же, которые образовались подъ руководствомъ Бецкаго, играли хорошо комедію, писали стишки, однимъ словомъ, знали все, кромѣ того, что нужно знать офицеру» [1]). Къ сожалѣнію, неправильная постановка учебной части въ корпусѣ не только не сознавалась правительствомъ, но Императрица даже хвалилась тѣмъ, что несомнѣнно слѣдовало бы порицать и исправить. «Наставьте же г-на Кошена», писала она въ 1767 году Фальконету, «онъ думаетъ, что мои кадеты приготовляются единственно для войны; можетъ быть, Парижская военная школа ввела его въ это заблужденіе. Мои кадеты сдѣлаются всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пожелаютъ быть, и выберутъ себѣ поприще по своимъ вкусамъ и наклонностямъ» [2]).

26 марта 1784 года П. В. Завадовскій объявилъ Коммисіи объ учрежденіи училищъ, что Императрица, оставшись довольною тѣми преобразованіями учебной части, которыя сдѣланы были Коммисіею въ Смольномъ, изъявила желаніе, чтобы разсмотрѣны были безотлагательно учебный планъ и состояніе преподаванія въ шляхетномъ корпусѣ, и что чѣмъ скорѣе это сдѣлается, тѣмъ будетъ пріятнѣе Ея Величеству.

---

[1]) Архивъ князя Воронцова. Книга 9, Часть 2. стр. 146.
[2]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ 17, стр. 3.

Коммисія пригласила въ свое засѣданіе только что назначеннаго главнаго директора корпуса, генералъ-поручика графа де-Бальмена, и, истребовавъ отъ него нужныя свѣдѣнія о преподаваемыхъ наукахъ, раскрыла настоящее положеніе дѣла.

Въ то время было въ корпусѣ 661 кадетъ, раздѣленныхъ на пять возрастовъ. Въ корпусѣ преподавались, кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, между прочимъ, науки юридическія, политическая экономія (экономія государственная), астрономія, наутика, или «свѣдѣніе о морскомъ искуствѣ», гравированіе, ваяніе, дѣланіе статуй, и проч. — Первый возрастъ состоялъ изъ дѣтей отъ 5-ти и 6-ти до 9-ти лѣтъ, и раздѣленъ былъ на шесть классовъ, такъ какъ въ немъ находилось 141 дѣтей. Къ каждому классу приставлена была воспитательница. Главнымъ предметомъ ученія въ этомъ возрастѣ былъ французскій языкъ, на который употреблялось 14 часовъ въ недѣлю, на русскій же только 6; на танцы назначено было также 6 часовъ. Общее число часовъ въ недѣлю въ этомъ возрастѣ составляло 34. Законъ Божій не преподавался вовсе. Второй возрастъ состоялъ изъ мальчиковъ отъ 9-ти до 12 лѣтъ, ихъ было 136. Общее число уроковъ простиралось въ этомъ возрастѣ до 42-хъ въ недѣлю, то есть по семи часовъ въ день. «Въ томъ же полученномъ извѣстіи», сказано въ журналѣ Коммисіи, «значитъ, что, ради слабаго понятія и употребленія большаго времени на изученіе языковъ, нельзя было преподавать кадетамъ сего возраста: географіи, исторіи, миѳологіи, геометріи, началъ славянскаго языка», которые, однако, положены были по учебному плану. Въ третьемъ возрастѣ были ученики отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ, въ числѣ 134. Для этого возраста положены были, между прочимъ, и латинскій языкъ, «кто захочетъ», и «бухгалтерство»; «географіи обучаются по диктуемой учителями». «По полученному извѣстію», читаемъ въ журналѣ Коммисіи, «воспитанники сего возраста не обучаются: 1) хронологіи, потому что она вмѣстѣ съ исторіею показана будетъ, и 2) исторіи, за недовольнымъ знаніемъ географіи, ко-

торая еще во второмъ возрастѣ съ исторіею предписана, 3) геометріи, за недовольнымъ знаніемъ ариѳметики до 15-ти лѣтняго возраста, 4) латинскому языку, потому что не оказались къ тому склонными, 5) основанію военной и гражданской архитектуры, за незнаніемъ ариѳметики и геометріи, 6) бухгалтерству, за неокончаніемъ ариѳметики, и недостаткомъ времени». Къ четвертому возрасту причислялись юноши отъ 15-ти до 18-ти лѣтъ; ихъ было 134. Число недѣльныхъ часовъ въ этомъ возрастѣ положено было 45, и въ число учебныхъ предметовъ включены были, между другими, *краснорѣчіе* и *философія*. «Въ семъ возрастѣ», сказано въ журналѣ Коммисіи, «не преподаютъ ни одной науки, предписанной собственно возрасту сему, для того, что хронологія будетъ сопряжена съ исторіею, къ латинскому языку не оказалось въ кадетахъ склонности; основанія же воинской и гражданской архитектуры, которыя предписаны еще въ третьемъ возрастѣ, но оставлены были за незнаніемъ геометріи, оставлены и здѣсь, за незнаніемъ оныя же». Въ пятомъ возрастѣ были молодые люди отъ 18-ти лѣтъ до 21-го года. Число учебныхъ часовъ назначено было 45. «Латинскому языку», говорится въ журналѣ Коммисіи, «не обучаются за тѣмъ, что желающихъ нѣтъ, а гражданскія науки будутъ, по окончаніи россійской исторіи, сопряжены съ россійскою статистикою. А для чего прочимъ наукамъ не обучались, самимъ приставникамъ кадетскаго корпуса не извѣстно».

Всѣхъ учителей въ корпусѣ было 43, и изъ нихъ 14 для французскаго языка.

Ознакомившись съ положеніемъ учебной части въ корпусѣ, Коммисія пришла къ такому заключенію: «хотя при числѣ 43-хъ учителей и можно бы надѣяться, что каждый возрастъ всѣмъ въ уставѣ предписаннымъ наукамъ могъ быть совершенно обученъ, а особливо когда кадеты въ нѣкоторыхъ возрастахъ болѣе семи часовъ въ день обучалися; но какъ при всемъ томъ видно, что воспитанники, достигая пятаго возраста, гдѣ бы имъ всѣ науки оканчивать уже должно, оныя вмѣсто того лишь начинаютъ,

то и неудивительно, что еще многія другія остаются безъ всякаго преподаванія, какъ, напримѣръ, гражданскія науки всѣ. Причина же таковаго запущенія воспослѣдовала очевидно отъ одного возраста на другой чрезъ откладываніе ученія, ибо не видно ни въ одномъ, начиная съ самаго перваго и до послѣдняго, чтобы всѣ тѣ науки были точно преподаваемы, какія которому уставомъ предписаны, менѣе же всего въ какомъ либо порядкѣ и распоряженіи, такъ что и тѣ самыя, которыя преподаются, преподаваемы были во всѣхъ почти возрастахъ не всѣмъ кадетамъ, возрастъ тотъ составляющимъ, но нѣкоторой токмо части онаго, безъ всякаго плана, по книгамъ, иногда вовсе къ предмету науки не относящимся. Почему воспитанникамъ, препроведшимъ такимъ образомъ первые четыре возраста, и нѣтъ уже болѣе возможности совершить себя въ пятомъ, гдѣ обременены будучи вдругъ множествомъ различныхъ наукъ, и отчаяваяся успѣть во всѣхъ, ни къ одной за тѣмъ по видимому не прилѣпляются, и не въ одной не успѣваютъ».

Коммисія предложила значительно сократить число уроковъ, оставивъ отъ 30-ти до 32-хъ недѣльныхъ часовъ въ каждомъ классѣ; вовсе исключить изъ курса нѣкоторые предметы, именно: наутику, химію и всѣ «художества», какъ-то: живопись, гравированіе, ваяніе и дѣланіе статуй; на латинскій языкъ положить въ первыхъ трехъ возрастахъ по четыре, а въ двухъ старшихъ по два часа; первоначально предполагала она обязать преподавать на латинскомъ языкѣ всѣ юридическія науки, какъ это дѣлалось въ тогдашнихъ университетахъ, но впослѣдствіи отступила отъ этой мысли. Въ трехъ низшихъ возрастахъ Коммисія находила возможнымъ примѣнить способы и методъ преподаванія, принятые въ народныхъ училищахъ.

Существенную же фальшь учебнаго курса корпуса, то есть совмѣщеніе въ немъ, съ науками военными, юридическихъ, и двойственность цѣли этого учебнаго заведенія, состоявшую въ приготовленіи не только офицеровъ, но и гражданскихъ чиновниковъ, Коммисія оставляла незатронутою. Только академикъ

Эпинусъ указалъ на этотъ главный въ организаціи корпуса вопросъ. Въ засѣданіи 27 іюля онъ заявилъ, что кадетскій корпусъ долженъ готовить только военныхъ людей, что всѣ несвойственные съ этою цѣлію предметы должны быть исключены изъ плана его ученія, что этимъ облегчится курсъ, и корпусъ не будетъ болѣе обязанъ терять напрасно время для воспитанія кадетовъ, неспособныхъ къ военной службѣ, а такихъ въ немъ очень много, и всегда такъ будетъ, ибо, при пріемѣ 5-ти и 6-ти лѣтнихъ дѣтей, никогда нельзя предвидѣть, будутъ ли они годны для строя. Поэтому Эпинусъ предлагалъ не занимать напрасно такихъ учениковъ предметами, не соотвѣтственными ихъ наклонностямъ и способностямъ, а переводить ихъ въ гражданскія учебныя заведенія, при переходѣ въ четвертый возрастъ, и мѣста ихъ въ корпусѣ предоставлять другимъ; въ такомъ случаѣ, весь учебный планъ корпуса могъ бы быть направленъ къ спеціальной его цѣли—приготовленія военныхъ людей, а общеобразовательные предметы преподавались бы въ немъ въ размѣрахъ, необходимыхъ для всякаго образованнаго человѣка. Коммисія не могла не согласиться съ правильностію этого взгляда, но не рѣшилась однако-же его принять изъ чисто формальнаго предлога, что такое существенное измѣненіе курса кадетскаго корпуса не соотвѣтствовало бы его уставу, что измѣнять уставъ она не имѣетъ права, а уполномочена Императрицею только улучшить учебный планъ, не касаясь главныхъ основаній утвержденной организаціи корпуса.

Въ дѣлахъ Коммисіи объ учрежденіи училищъ не сохранилось свѣдѣнія: были-ли одобрены государынею ея предположенія относительно шляхетнаго корпуса; но слѣдуетъ думать, что они остались безрезультатными, потому что и въ концѣ царствованія Екатерины находимъ въ распредѣленіи предметовъ преподаванія въ корпусѣ и ту же многопредметность, и то же непомѣрное число недѣльныхъ уроковъ, такъ называемыя «художества» исключены не были, и въ каждомъ классѣ бывало ежедневно по четыре двухчасовыхъ уроковъ, то есть по восьми

часовъ въ день [1]). Такимъ образомъ, неправильный курсъ шляхетнаго кадетскаго корпуса удержался въ продолженіе всего царствованія Императрицы.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины, въ шляхетномъ корпусѣ получили воспитаніе болѣе 4000 кадетовъ, изъ коихъ болѣе 3000 окончили курсъ.

Московскій университетъ.

Московскій университетъ учрежденъ былъ 12 января 1755 года съ десятью профессорскими каѳедрами, именно: по три въ факультетахъ юридическомъ и медицинскомъ, и четыре въ философскомъ. Этотъ послѣдній факультетъ былъ полнѣе по преподавательскимъ силамъ, потому что, по примѣру германскихъ университетовъ, онъ составлялъ основу всего университетскаго образованія: студентъ обязывался сначала окончить курсъ словесныхъ наукъ, въ которомъ преобладали языки латинскій и греческій, а потомъ уже остаться не менѣе трехъ лѣтъ въ избранномъ имъ факультетѣ.

Профессора въ университетъ выписаны были изъ Германіи; Академія Наукъ, Тюбингенъ, Штутгартъ, Вѣна, Лейпцигъ и Геттингенъ доставили Московскому университету первыхъ ея наставниковъ. Лекціи читались по латыни или по французски; для студентовъ, не понимавшихъ достаточно латинскій языкъ, на которомъ читали лекціи большинство профессоровъ, приставлены были такіе студенты, которые были въ состояніи переводить профессорскія лекціи на русскій языкъ. Всѣ протоколы университетской конференціи писались на французскомъ языкѣ. Даже оффиціальныя рѣчи произносились на иностранныхъ языкахъ; такъ въ 1760 году директоръ университета И. И. Мелиссино привѣтствовалъ новаго куратора Веселовскаго рѣчью

---

[1]) Георги. Описаніе столичнаго города Санктпетербурга. Спб. 1794 года. стр. 371.

на французскомъ языкѣ и Веселовскій отвѣчалъ ему также по французски.

Студентовъ набрали преимущественно изъ семинаристовъ; въ 1758 году ихъ было сто человѣкъ.

Не смотря на легкость замѣщенія иностранцами профессорскихъ каѳедръ, и на незначительное ихъ число, каѳедры эти долгое время не были заняты: Дильтей, основатель юридическаго факультета въ Московскомъ университетѣ, не только во все царствованіе Императрицы Елизаветы, но вплоть до семидесятыхъ годовъ, одинъ преподавалъ всѣ юридическія науки; Керстенъ же, даже въ началѣ царствованія Екатерины, читалъ въ медицинскомъ факультетѣ, также одинъ, всѣ науки.

Ученье не составляло тогда потребности общественной; родители не только не поощряли къ нему своихъ сыновей, но нерѣдко мѣшали ихъ занятіямъ, принуждая оставить университетъ до окончанія курса, для поступленія на службу. И. И. Мелиссино представилъ куратору И. И. Шувалову разсчетъ занятныхъ дней студентовъ, изъ котораго видно, что, если исключить праздничные дни и вакаціи, то студентъ занимается въ году не болѣе ста дней, а отсутствующій подъ разными предлогами — едва сорокъ или тридцать дней. Въ концѣ 1759 года графъ С. Р. Воронцовъ писалъ своему отцу изъ Москвы: «Осмѣлюсь вамъ представить, милостивый государь батюшка, что Воронцовы, которые въ университетѣ учатся, лучше, ежелибъ вы съ ними милость сдѣлали, чтобъ взять ихъ въ Петербургъ, и отдать куда нибудь въ пансіонъ, или въ кадетскій корпусъ, за тѣмъ что учитель дядюшкинъ, который весьма знающій есть человѣкъ, ихъ экзаменовалъ, и сказалъ, что они совсѣмъ ничего не знаютъ. Нечему и дивится, когда учители пьяницы, а ученики самые подлые поступки имѣютъ. Человѣкъ самого лучшаго воспитанія тамъ испортиться можетъ, не токмо чтобы научиться» [1]).

---

[1]) См. Архивъ князя Воронцова. Книга 16, стр. 4—5.

Такое положеніе новооткрытаго университета не могло быть неизвѣстнымъ Императрицѣ Екатеринѣ, и въ первые годы своего царствованія, едва справившись съ внутренними смутами и утвердивъ свою власть, она обратила на него свое вниманіе. Въ концѣ 1765 года она поручила профессорамъ Московскаго университета представить свое мнѣніе объ улучшеніи состоянія университета; повидимому, мысль эта сильно ее тогда занимала, потому что она дала имъ срока только три недѣли. На этотъ вызовъ Императрицы семь профессоровъ потребовали полной автономіи университету, а профессорамъ увеличеніе содержанія, назначеніе пенсій, пожалованіе университету подмосковныхъ деревень, которыя управлялись бы не университетскимъ начальствомъ, а самими профессорами, и т. п. [1]). Объ улучшеніи учебной части, о замѣщеніи пустующихъ каѳедръ не было и рѣчи. Само собою разумѣется, что такого рода проектъ не могъ имѣть никакого практическаго значенія, а только, какъ кажется, охладилъ Императрицу къ университетскому вопросу, и съ тѣхъ поръ, во все ея царствованіе, нѣтъ слѣдовъ о ея какихъ-либо особыхъ заботахъ относительно Московскаго университата.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины, Московскій университетъ началъ пополняться русскими профессорами: 1767 года, кромѣ профессора Барсова, было уже въ немъ пять русскихъ молодыхъ ученыхъ, которые образовались изъ его питомцевъ, отправленныхъ Шуваловымъ, въ концѣ царствованія Елизаветы, въ заграничные университеты. Когда указомъ 4 марта 1784 года Императрица повелѣла учредить Коммисію, подъ предсѣдательствомъ графа Андрея Петровича Шувалова, для составленія записокъ о древней исторіи Россіи, то въ составъ ея вошли два профессора Московскаго университета Барсовъ и Чеботаревъ.—Съ 1765 года протоколы университетской конференціи стали составляться на латинскомъ, а не на французскомъ языкѣ, какъ было прежде.

---

[1]) См. Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ 1875 г. Книга 2, въ отдѣлѣ «Смѣсь» стр. 189—212.

Впрочемъ, нѣкоторыя изъ тѣхъ немногихъ каѳедръ, которыя положены были въ этомъ университетѣ по его уставу, долгое время оставались незанятыми и не имѣли необходимыхъ научныхъ пособій; такъ наприм., въ первые годы царствованія Екатерины анатомія преподавалась исключительно теоретически, потому что нельзя было доставать труповъ для анатомическаго театра. Науки медицинскія не имѣли еще значительнаго развѣтвленія, и, даже въ концѣ царствованія Екатерины, многія изъ нихъ соединялись въ одномъ профессорѣ. Во время свирѣпствованія въ Москвѣ чумы въ 1771 году дѣйствовали только два профессора медицинскаго факультета, Зыбелинъ и Веніаминовъ, въ качествѣ членовъ медицинскаго совѣта, образованнаго для прекращенія язвы.

При такомъ недостаткѣ ученыхъ силъ и при понятномъ желаніи правительства удостовѣриться въ способностяхъ лицъ, предназначавшихся къ гражданской службѣ, естественно, что Московскій университетъ въ теченіе долгаго времени не пользовался исключительнымъ правомъ возводить въ ученыя степени. На экзаменъ юридическаго факультета назначался обыкновенно генералъ-прокуроромъ одинъ изъ оберъ-секретарей Московскихъ департаментовъ сената, которые составляли и экзаменные вопросы, или темы, на латинскомъ и русскомъ языкахъ. Только указомъ 29 сентября 1791 года дано было право медицинскому факультету производить въ степень доктора медицины, но съ условіемъ, чтобы экзамены производились при депутатахъ отъ медицинской коллегіи; правомъ этимъ воспользовался, во все царствованіе Екатерины, только одинъ врачъ, въ 1794 году. Ученыя медицинскія степени выдавались медицинскою коллегіею, гдѣ врачи и сдавали экзамены.

По крайне ограниченному числу студентовъ, не предстояло часто и экзаменовать ихъ на ученыя степени; такъ въ 1765 году во всемъ юридическомъ факультетѣ былъ только одинъ студентъ; также и медицинскій факультетъ имѣлъ 1768 года одного представителя-студента. Когда въ 1767 году взято было 18 студен-

товъ въ коммисію сочиненія проекта новаго уложенія, то конференція университета заявила, что университетъ опустѣлъ, что на всѣхъ курсахъ юридическаго факультета осталось всего четыре студента, потому и было назначено перевести въ этотъ факультетъ пять студентовъ изъ философскаго факультета.

Оставленіе университета до окончанія курса было обыкновеннымъ явленіемъ: изъ актовъ конференціи 1770 года видно что 300 студентовъ вышли изъ университета, не окончивъ курса, и что только двое юристовъ вполнѣ его докончили. Черезъ тридцать почти лѣтъ послѣ основанія Московскаго университета, въ немъ было менѣе студентовъ, чѣмъ при его учрежденіи, именно въ 1758 году ихъ считалось 100, а въ 1787 году 82. Такому студенческому малолюдству содѣйствовало, конечно, и то обстоятельство, что тогда университетское образованіе не давало никакихъ правъ на чинопроизводство.

Гимназія при университетѣ.

Ломоносовъ, получивъ отъ И. И. Шувалова, для прочтенія, проектъ учрежденія въ Москвѣ университета, объяснилъ ему, что при университетѣ необходимо устроить гимназію, «безъ которой университетъ какъ пашня безъ сѣмянъ». Шуваловъ принялъ эту мысль, и, единовременно съ университетомъ, открылъ въ Москвѣ двѣ гимназіи.

Въ сущности, гимназія была одна и подъ начальствомъ одного директора, но подраздѣлена была на два отдѣленія — дворянское и недворянское, какъ подраздѣленъ былъ впослѣдствіи на благородное и мѣщанское отдѣленіе Смольный. Тогда, и гораздо позднѣе, дворяне не рѣшались дозволить своимъ сыновьямъ обучаться вмѣсть съ дѣтьми другихъ сословій.

Съ самаго начала гимназія поставлена была на прочныхъ основаніяхъ, на изученіи древнихъ языковъ и ихъ литературъ; греческій языкъ введенъ былъ при самомъ открытіи гимназіи.

Первымъ ея директоромъ былъ венгерецъ Шаденъ, полу-

чившій основательное филологическое образованіе въ Германіи; онъ преподавалъ древніе языки въ старшихъ классахъ гимназіи. Въ продолженіе 25-ти лѣтъ онъ оставался директоромъ, и можно сказать, былъ настоящимъ создателемъ Московской гимназіи.

Въ низшихъ классахъ гимназіи латинскій и греческій языки соединены были въ рукахъ одного преподавателя. Исторія и географія читались на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, потому что учители этихъ предметовъ были иностранцы, не знавшіе по русски. Въ гимназіи введены были воинскія упражненія, и преподавалась даже воинская архитектура. Въ свободное отъ ученія время, учители должны были читать съ учениками старшихъ классовъ газеты. Всѣхъ преподавателей въ гимназіи было 36, изъ нихъ 16 русскихъ и 20 иностранцевъ.

Въ 1772 году Шадена замѣстилъ также основательно образованный магистръ Лейпцигскаго университета Маттеи; въ теченіе 12-ти лѣтъ онъ управлялъ гимназіею. Послѣ него, ректоромъ гимназіи былъ Мелльманъ.

Уже въ 1759 году гимназія доставила изъ своихъ учениковъ студентовъ университету. Если впослѣдствіи число студентовъ было весьма не большое, то это происходило не отъ недостатка учениковъ въ гимназіи, а оттого, что сознаніе необходимости высшаго образованія не проникло еще въ общество. Гимназія, имѣвшая въ 1760 году всего сто учениковъ, насчитывала ихъ болѣе тысячи въ 1787 году, что̀ доказываетъ хорошее ея состояніе и довѣріе къ ней родителей.

Въ 1779 году учрежденъ былъ при университетѣ вольный благородный пансіонъ на 50 учениковъ, которыхъ принимали не моложе 9-ти и не старше 14-ти лѣтъ [1]).

Гимназія въ Казани.

Мысль объ учрежденіи гимназіи въ Казани принадлежитъ Московскому университету, который въ 1758 году пред-

[1]) Шевыревъ. Исторія Императорскаго Московскаго университета, написанная къ столѣтнему его юбилею. Москва 1855 г.

ставлялъ, что двухъ гимназій, въ Москвѣ и Петербургѣ, мало, что для университетовъ Московскаго и академическаго необходимо устроить и въ другихъ городахъ гимназіи, гдѣ молодые люди получали бы надлежащее подготовленіе къ университетскимъ наукамъ [1]).

Указъ объ учрежденіи гимназіи послѣдовалъ 21 іюля 1758 года. Она поставлена была въ зависимость отъ Московскаго университета, доставившаго ей и нѣсколькихъ преподавателей, изъ окончившихъ въ немъ курсъ студентовъ.

Къ сожалѣнію, выборъ первыхъ директоровъ ея былъ мало удаченъ, и они не съумѣли поставить ее на твердыхъ научныхъ основаніяхъ, какъ это удалось Московской гимназіи, благодаря дѣльности и основательности образованія ея руководителей. Для устройства гимназіи, посланъ былъ Московскимъ университетомъ въ Казань капитанъ Траубенталь, но вскорѣ былъ оттуда отозванъ. Замѣнилъ его ассесоръ университета Веревкинъ, мало пригодный для этой должности, занимавшійся легкою литературою, переводами, и т. п., болѣе чѣмъ своимъ дѣломъ. Веревкинъ оставался на этомъ мѣстѣ до 1761 года, и имѣлъ своимъ преемникомъ магистра Московскаго университета Савича. Въ 1763 году онъ умеръ, и директоромъ гимназіи назначенъ былъ Кожинъ, остававшійся въ этой должности только одинъ годъ. Наконецъ въ 1765 году получила эта гимназія болѣе дѣльнаго директора — Юлія Ивановича Каница, воспитавшагося въ шляхетномъ корпусѣ и выпущеннаго изъ него офицеромъ въ 1751 году. Онъ сохранилъ эту должность до самой своей смерти, въ 1781 году.

Не смотря на то, что къ открытію гимназіи Московскій университетъ послалъ въ Казань бо̀льшую часть учителей, недостатокъ въ нихъ чувствовался съ самаго начала; даже учителя русскаго языка пришлось искать въ Казанскихъ присут-

---

[1]) Шевыревъ. Исторія Императорскаго Московскаго университета, написанная къ столѣтнему его юбилею. Москва. 1855 г., стр. 53.

ственныхъ мѣстахъ; учители латинскаго языка обыкновенно приглашались изъ семинаристовъ. Объ учителяхъ Казанской гимназіи Рычковъ говоритъ въ письмѣ къ Мюллеру: «насовалось тутъ людей незнающихъ много».

При открытіи гимназіи, въ январѣ 1759 года, поступило въ нее только 14 учениковъ, и между ними Державинъ; въ теченіе слѣдующихъ семи мѣсяцевъ число ихъ увеличилось до 111. Самое бо̀льшее число учениковъ, 125 человѣкъ, было въ 1773 году; болѣе никогда въ ней не было. Многіе гимназисты были такъ бѣдны, что ходили полуприкрытые ветхимъ рубищемъ и питались милостынею; двадцати изъ нихъ Московскій университетъ выдавалъ пособіе, по шести рублей въ годъ каждому; большинство ихъ были солдатскія дѣти.

Въ планъ преподаванія латинскій языкъ былъ включенъ при самомъ основаніи гимназіи, а греческій былъ введенъ только въ 1765 году. Преподавалась не нужная для гимназистовъ фортификація, а съ 1769 года, по волѣ Императрицы, стали обучать татарскому языку желающимъ, но ихъ было мало, — въ 1785 году всего 16 человѣкъ [1]).

Директоръ Академіи Наукъ, графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, описывая свое путешествіе въ 1767 году по Волгѣ, въ свитѣ Императрицы, и по̀сѣтивъ потомъ Казань, говоритъ о Казанской гимназіи: «31 мая былъ я въ гимназіи, которую въ очень дурномъ состояніи нашелъ, гдѣ 12 учителей, а учащихся всѣхъ съ 40, — они говорили рѣчи: на нѣмецкомъ, французскомъ, русскомъ и латинскомъ языкахъ, успѣхи учащихся очень несовершенны, какъ я самъ ихъ свидѣтельствовалъ» [2]). Сохранился не лучшій отзывъ объ этой гимназіи и бывшаго ученика ея, Державина: «Насъ учили тогда», говоритъ онъ, «вѣрѣ безъ катихизиса, языкамъ безъ грамматики,

---

[1]) Владимировъ. Историческая записка I-ой Казанской гимназіи. Казань. 1867 г.

[2]) Графа Владиміра Орлова-Давыдова. Біографическій очеркъ графа Владиміра Григорьевича Орлова. СПб. 1878 г. Томъ 1, стр. 44.

числамъ и измѣренію безъ доказательствъ, музыкѣ безъ нотъ. Книгъ, кромѣ духовныхъ, почти никакихъ не читали» [1]).

9 сентября 1785 года послѣдовалъ изъ Сената указъ Императрицы о подчиненіи гимназіи въ Казани тамошнему приказу общественнаго призрѣнія, и о порученіи Коммисіи объ учрежденіи училищъ составить для нея планъ ученія примѣнительно къ правиламъ о народныхъ училищахъ [2]).

Вытребовавши вѣдомости о состояніи гимназій, Коммисія нашла, что научный уровень этой гимназіи не выше курса главнаго народнаго училища, открытаго въ Казани; даже, по ея мнѣнію, онъ былъ ниже, ибо, если, кромѣ общихъ для обоихъ учебныхъ заведеній предметовъ, въ гимназіи преподаются языки французскій и нѣмецкій, то за то въ главномъ народномъ училищѣ введены науки, не положенныя въ гимназіи, именно: физика, естественная исторія, механика и архитектура; что татарскій языкъ можно преподавать и въ народномъ училищѣ, что фортификаціи учится въ гимназіи только одинъ ученикъ, что хотя въ гимназіи обучаютъ музыкѣ, но безъ нея легко можно обойтись.

Путемъ такого сревненія учебныхъ плановъ обоихъ учебныхъ заведеній, Коммисія пришла въ 1789 года къ заключенію, что гимназія въ Казани вовсе не нужна, что ученики ея могутъ съ бо́льшею пользою продолжать свое ученіе въ мѣстномъ главномъ народномъ училищѣ, а приказъ не станетъ болѣе тратиться на содержаніе учителей (весь расходъ на жалованье 10 учителей составлялъ 1410 р. въ годъ).

Въ этомъ постановленіи Коммисіи нельзя не замѣтить крайняго пристрастія къ ея собственнымъ, излюбленнымъ народнымъ училищамъ, и при этомъ не пожалѣть о прискорбномъ закрытіи полезнаго учебнаго заведенія въ такое время, когда въ Россіи было всего три гимназіи. Нѣтъ сомнѣнія, что Казанская гимназія

---

[1]) Гротъ. Сочиненія Державина. Томъ 8, стр. 59.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 16248.

была въ неудовлетворительномъ состояніи. Слѣдовало его улучшить, а не понижать уровень образованія превращеніемъ второстепеннаго учебнаго заведенія въ третьестепенное, нужно было сдѣлать шагъ впередъ, а не шагъ назадъ.

Казанскій приказъ, разсчитывавшій только свои расходы, нашелъ невозможнымъ для себя содержать и гимназію, и высшее народное училище, и, не дождавшись даже рѣшенія Коммисіи, поспѣшилъ передать гимназическіе дома и классныя принадлежности гимназіи народному училищу, и гимназія закрылась сама собою, а бо́льшая часть ея учениковъ перешла въ это училище. Въ то время въ гимназіи было только 52 ученика, и изъ нихъ 41 казенныхъ.

Пажескій корпусъ.

Пажи введены Императоромъ Петромъ I; въ началѣ было всего два камеръ-пажа и 24 пажа; они постоянно находились во дворцѣ, и не составляли учебнаго заведенія. 25 октября 1759 года учрежденъ былъ Императрицею Елизаветою пажескій корпусъ, по плану француза барона Шуди, назначеннаго гофмейстеромъ пажей.

Въ началѣ царствованія Императрицы Екатерины (1762 года) полагалось 6 камеръ-пажей и 40 пажей, а въ 1786 году комплектъ ихъ опредѣленъ: камеръ-пажей 18, а пажей 60 [1]).

Указомъ 5 февраля 1785 года [2]) Императрица повелѣла Завадовскому разсмотрѣть планъ ученія пажескаго корпуса, и составить новый, что и было имъ въ скорости исполнено, 26 февраля того же года Императрица одобрила представленный За-

---

[1]) Графъ Милорадовичъ. Матеріалы для исторіи пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса. Кіевъ. 1876 г.

Георги. Описаніе столичнаго города Санктпетербурга. СПб. 1794 г. стр. 395.

[2]) Пол. Собр. Зак. № 16149.

вадовскимъ проектъ устройства въ немъ учебной части, и сама приказала прибавить латинскій и греческій языки [1]).

Съ этого времени завѣдываніе пажескимъ корпусомъ въ учебномъ отношеніи перешло къ Завадовскому, называвшемуся «управляющимъ науками пажескаго двора Его Императорскаго Величества корпуса», и къ Коммисіи объ учрежденіи училищъ, которые и назначали преподавателей корпуса.

Въ 1789 году напечатана была для пажей составленная учителемъ пажескаго корпуса Филоновымъ краткая греческая грамматика [2]).

Смольный.

Еще бывши великой княгиней, Екатерина думала о женскомъ образованіи, и о подражаніи въ этомъ отношеніи Санъ-Сиръ, давно извѣстному въ Россіи: еще въ 1717 году осматривалъ его Императоръ Петръ. Такъ какъ внутреннее устройство этого учебнаго заведенія сохранялось во Франціи въ тайнѣ, то ей казалось, что всего лучше было бы обратиться непосредственно къ французскому правительству съ просьбою доставить его уставы и вызвать изъ Санъ-Сира преподавательницу, которой поручить одну или двухъ сиротъ, для приготовленія къ педагогической дѣятельности; эти современемъ стали бы приготовлять другихъ, и такимъ образомъ образовалась бы цѣлая группа учительницъ [3]).

Вскорѣ по вступленіи на престолъ, Императрица учредила въ Петербургѣ Общество благородныхъ дѣвицъ при воскресен-

---

[1]) Пол. Собр. Зак. № 16158.

[2]) Въ книжныхъ каталогахъ этого руководства не значится, но что оно дѣйствительно было издано, видно изъ журнала Коммисія объ учрежденіи училищъ 31 марта 1789 г., въ которомъ записано: «По изволенію Коммисіи объ учрежденіи училищъ, напечатана въ типографіи содержателя Вейтбрехта краткая греческая грамматика, сочиненная пажескаго корпуса учителемъ Филоновымъ, не токмо по предопредѣленію г-на Т. С. сенатора и кавалера Петра Васильевича Завадовскаго, для онаго корпуса, но» и т. д.

[3]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ 7, стр. 82.

скомъ монастырѣ, называемомъ Смольнымъ. Въ этой мѣстности, въ началѣ XVIII вѣка, находилась деревня *Смольная*, въ которой устроенъ былъ дегтярный заводъ, отъ чего она и получила свое названіе; близъ этой деревни Императоръ Петръ I построилъ въ 1720 году загородный дворецъ, когорый сталъ также называться Смольнымъ. Въ немъ проживала обыкновенно лѣтомъ великая княжна Елизавета Петровна, а, по вступленіи ея на престолъ, дворецъ опустѣлъ, и въ 1748 году обращенъ былъ подъ помѣщеніе воскресенскаго женскаго монастыря.

5 мая 1764 года утвержденъ былъ уставъ этого учебнаго заведенія, а открытіе его послѣдовало 28 іюня.

Положено было содержать въ немъ 200 воспитанницъ дворянскаго происхожденія, раздѣленныхъ на четыре возраста, по 50-ти въ каждомъ: первый возрастъ отъ 6-ти до 9-ти лѣтъ, второй отъ 9-ти до 12-ти, третій—отъ 12-ти до 15-ти, четвертый — отъ 15-ти до 18-ти лѣтъ. Дѣвицы этихъ четырехъ возрастовъ различались цвѣтомъ платья: первый возрастъ носилъ коричневыя, второй — голубыя, третій — сѣроватыя, четвертый — бѣлыя. Пріемъ назначенъ чрезъ каждые три года, и при этомъ родители обязывались не брать изъ училища своихъ дочерей до окончанія ими курса; вообще, задачею училища поставлено было возможное удаленіе дѣтей отъ ихъ родителей, для избѣжанія дурныхъ примѣровъ.

Курсъ ученія былъ такой: въ первомъ возрастѣ преподавались языки русскій и иностранный, и ариѳметика, во второмъ— географія и исторія, въ третьемъ— словесныя науки, часть архитектуры и геральдики. Зачѣмъ эти двѣ послѣднія науки помѣщены были въ планъ женскаго образованія, въ настоящее время понять трудно; объясняется это только неправильностію и сбивчивостью учебныхъ курсовъ той эпохи; такъ, напримѣръ, и ариѳметикѣ обучались воспитанницы только «для содержанія впредь въ добромъ порядкѣ домашней экономіи». Въ четвертомъ возрастѣ занятія были исключительно практическія: ежедневно двѣ

ученицы этого класса обучали дѣвицъ младшаго возраста, «дабы отъ сей практики навыкнуть заблаговременно, какъ имъ, будучи матерями, обучать дѣтей своихъ, и въ собственномъ своемъ воспитаніи найдутъ себѣ великое вспоможеніе, въ какомъ бы состояніи имъ жить не случилось».

На каждый возрастъ назначено было по одной надзирательницѣ, а на всѣ четыре 12 учительницъ, которыя должны были обучать дѣвицъ говорить и писать на иностранныхъ языкахъ. Такъ какъ бо́льшая часть учительницъ были иностранки, то эта цѣль достигалась легко, и тѣмъ болѣе, что онѣ преподавали не только языки, но и всѣ учебные предметы; но отъ этого страдалъ русскій языкъ, сдѣлавшійся для воспитанницъ совершенно чужимъ. Учителя, или какъ они названы въ указѣ «мастера», допускались только въ видѣ исключенія, когда не было возможности найти учительницу. Впрочемъ, это продолжалось не долго, и число учителей постепенно увеличивалось.

Направленіе, такъ сказать, тонъ этого учебнаго заведенія, далъ самый его уставъ: дѣвицъ пріучали, прежде всего, къ свѣтскости, къ избѣжанію застѣнчивости, къ хорошимъ манерамъ, и для этого обязательно, по самому его учрежденію, устраивались въ немъ собранія, концерты, театральныя представленія, и т. п. Въ уставѣ читаемъ, напримѣръ, такое правило: «буде которая дѣвица сдѣлаетъ какое остроумное примѣчаніе» (то есть остроту скажетъ, какъ говорится, красное словцо), «то, съ дозволенія, имѣетъ она сообщить о томъ всему классу, ибо изрядно и кстатѣ сказанное слово будетъ для другихъ наставленіемъ, и поощреніемъ къ подражанію».

По просьбѣ Императрицы, Вольтеръ обѣщалъ, но не исполнилъ обѣщанія, написать сценическую пьесу для дѣвицъ Смольнаго. Напоминая ему объ этомъ въ 1772 году, Екатерина такъ характеризуетъ институтское образованіе: «не знаю, произведетъ-ли этотъ дѣвичій батальонъ, какъ вы его называете, амазонокъ; но мы весьма удалены отъ мысли сдѣлать изъ нихъ монахинь; напротивъ того, мы воспитываемъ ихъ такъ, чтобы

онѣ сдѣлались радостью семействъ, въ которыя вступятъ, желаемъ, чтобы онѣ не были ни излишне застѣнчивы, ни кокетливы, но любезны, и были бы въ состояніи воспитать сами своихъ дѣтей и вести домашнее хозяйство» [1]).

Впослѣдствіи, Императрица обращалась съ такою же просьбою къ Дидро, который ограничился также однимъ обѣщаніемъ [2]).

Начальницею Общества благородныхъ дѣвицъ назначена была княжна Анна Долгорукова, а помощницею къ ней, или, какъ она названа въ уставѣ, «правительницею» вдова Д. С. С. Софья де-ла-Фонъ [3]).

21 ноября 1764 года Императрица посѣтила въ первый разъ это учебное заведеніе; впослѣдствіи она часто въ немъ бывала, и знала почти всѣхъ воспитанницъ по имени [4]).

Первый выпускъ изъ Смольнаго былъ 30 апрѣля 1776 года; пять изъ выпущенныхъ дѣвицъ взяты были ко двору.

Черезъ семь мѣсяцевъ послѣ открытія Общества благородныхъ дѣвицъ, учреждено было, 31 января 1765 года, при немъ особое училище, такъ называемое мѣщанское его отдѣленіе, для воспитанія молодыхъ дѣвушекъ, дочерей чиновниковъ, купцовъ и мѣщанъ, подъ управленіемъ той же начальницы, на 240 ученицъ, раздѣленныхъ на четыре возраста.

Курсъ ученія его былъ попроще: учили только русскому и иностраннымъ языкамъ и ариѳметикѣ. Цѣль же учрежденія опредѣлена та же, именно: «производить новое порожденіе, отъ котораго бы прямыя правила воспитанія непрерывнымъ порядкомъ въ потомство переходить могли, въ сходствіе высочайшаго намѣренія Ея Императорскаго Величества» [5]).

---

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Т. 13, стр. 226.

[2]) Sept lettres de Diderot à l'Impératrice Catherine II, publiées sous les auspices de la Société Impériale pour l'histoire de Russie, par J. Grot. 33-й Томъ Сборника Русскаго Историческаго Общества. Спб. 1881 г. стр. 27.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 12154.

[4]) Ст. Лядова, Историческій очеркъ столѣтней жизни Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и Санктпетербургскаго александровскаго училища. Спб. 1864 г.

[5]) Полн. Собр. Зак. № 12323.

Въ 1766 году Императрица пожаловала $2^1/_2$ милліона рублей, съ процентовъ коихъ должны были содержаться воспитываемыя въ новодѣвичьемъ монастырѣ дворянскія и мѣщанскія дѣвицы [1]).

Былъ ли похожъ Смольный на Сенъ-Сиръ, какъ того желала когда-то Екатерина, и какъ многіе думаютъ и доселѣ? Это разъяснитъ намъ происхожденіе и дальнѣйшее развитіе Сенъ-Сирскаго института.

Онъ учрежденъ былъ въ 1686 году въ деревнѣ Сенъ-Сиръ, отстоящей менѣе одной мили отъ Версальскаго дворца, для дочерей лицъ стариннаго дворянства, преимущественно служившихъ въ военной службѣ. Дѣвочки, общимъ числомъ 250, принимались въ это учебное заведеніе отъ 7-ми до 12-ти лѣтъ, раздѣлены были на четыре возраста, и каждый возрастъ имѣлъ одежду извѣстнаго цвѣта: красный (для младшихъ), зеленый, желтый, и синій (для старшихъ).

Сенъ-Сиръ было созданіе г-жи Ментенонъ, которая посвятила ему тридцать лѣтъ своей жизни: когда она проживала въ Версалѣ, то ѣздила туда ежедневно, и часто оставалась цѣлый день, съ шести часовъ утра до вечера, присутствовала при вставаніи ученицъ, маленькихъ сама одѣвала и причесывала, исполняла должность классной дамы въ разныхъ классахъ и входила во всѣ подробности училища.

Въ 1689 году посѣтилъ Людовикъ XIV въ первый разъ Сенъ-Сиръ, и присутствовалъ на представленіи трагедіи Есѳирь (Esther), нарочно написанной Расиномъ для его воспитанницъ, былъ въ восторгѣ отъ ихъ игры, и чрезъ три дня повезъ туда свой дворъ на второе представленіе этой трагедіи; впослѣдствіи, еще нѣсколько разъ играли эту пьесу. Послѣ этого Расинъ написалъ для тѣхъ же воспитанницъ трагедію Гоѳолія (Athalie); но такъ какъ было замѣчено, что эти сценическія представленія развивали въ дѣвицахъ тщеславіе и излишнюю свѣтскость, то имъ дозволено было играть эту пьесу не иначе, какъ безъ сцены, безъ

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 12652.

декорацій, безъ костюмовъ. Вскорѣ всякія представленія запрещены были въ Сенъ-Сирѣ, и это учебное заведеніе постепенно обращалось изъ свѣтскаго училища въ духовную общину, и наконецъ превратилось въ настоящій женскій монастырь.

Свѣтскіе священники замѣнены были въ немъ монахами-лазаристами, которые съ 1691 года поселились въ Сенъ-Сирѣ въ числѣ десяти человѣкъ. Воспитательницы, причисленныя къ ордену августіанокъ, должны были принимать торжественные обѣты монашества, и въ 1692 году Сенъ-Сиръ обращенъ былъ въ женскій августіанскій монастырь; сначала оставлено имъ было свѣтское платье, съ большимъ крестомъ на шеѣ, но въ 1707 году онѣ должны были принять полное одѣяніе августіанокъ. Монахини были исключительными преподавательницами всѣхъ предметовъ, и свѣтскіе учителя, конечно, ни въ какомъ случаѣ, не допускались. Въ 1694 году ихъ положено имѣть 80, считая въ томъ и новиціекъ, поступавшихъ изъ числа воспитанницъ.

Курсъ ученія былъ весьма ограниченный: священная исторія, катихизисъ, французскій языкъ съ грамматикою, исторія, географія, миѳологія, музыка и танцы. Вообще на ученье употреблялось мало времени; оно преимущественно посвящалось на молитву и на церковныя службы; воспитанницы читали почти исключительно сочиненія духовнаго содержанія, и иногда, оканчивая курсъ, не знали порядочно собственнаго языка. Монашескій духъ до того преобладалъ въ Сенъ-Сирѣ, что около четвертой части обучавшихся въ немъ, въ теченіе вѣка, дѣвицъ, поступили въ монастырь [1]).

Сравнивая Сенъ-Сиръ со Смольнымъ, найдемъ въ нихъ только то сходство, что оба учебныя заведенія составляли интернатъ для дочерей потомственныхъ дворянъ, что въ оба принимались дѣвочки малолѣтнія, раздѣлены были на четыре возраста, каждый возрастъ имѣлъ платья особаго цвѣта. Этимъ и ограни-

---

[1]) Théophile Lavallée, Madame de Maintenon et la maison royale de Saint-Cyr. Paris 1862.

чивается все ихъ сходство. Напротивъ того, курсъ ихъ ученія, и въ особенности направленіе этихъ училищъ были не только различны, но даже противоположны: какъ ни недостаточенъ планъ ученія въ Смольномъ, онъ былъ гораздо обширнѣе Сенъ-Сирскаго; духъ одного учебнаго заведенія былъ совершенно монашескій, а другаго—исключительно и слишкомъ свѣтскій. Оба грѣшили крайностями: одно—ультра-монашескимъ характеромъ, другое—излишнею свѣтскостію. Сенъ-Сиръ приготовлялъ изъ дворянскихъ дочерей монахинь, что̀ вовсе не было ихъ назначеніемъ, Смольный—свѣтскихъ дѣвицъ изъ бѣдныхъ дворянокъ, которымъ болѣе приличествовала скромная жизнь, на помощь своимъ семьямъ; изъ одного поступали въ монастырь, изъ другаго брали ко Двору.

Нельзя не замѣтить съ самаго ихъ учрежденія и той между ними разницы, что Императрица, по своему высокому положенію, могла удѣлить Смольному лишь немногія свои свободныя минуты, а г-жа Ментенонъ, хотя и не объявленная, но законная жена Людовика XIV, отдала всю свою душу Сенъ-Сиру, проводила въ немъ бо̀льшую часть времени, вникала во всѣ мелочи учебнаго заведенія, и потому была въ состояніи давать наилучшее нравственное направленіе своимъ воспитанницамъ.

Узнавъ новые методъ и способъ преподаванія въ городскихъ училищахъ, Императрица не могла не видѣть ихъ преимущества передъ употреблявшимися въ Смольномъ, и потому въ концѣ марта 1783 года приказала Коммисіи объ учрежденіи училищъ ввести въ Смольный такъ называвшійся нормальный образъ ученія, который, какъ она писала Гримму, столь ненавистенъ невѣждамъ [1]), назначить дѣльныхъ учителей, и одному изъ членовъ Коммисіи посѣщать еженедѣльно классы этого института.

Войдя въ разсмотрѣніе учебной части въ Смольномъ, Коммисія нашла что бо̀льшая часть наукъ, какъ-то: исторія, географія, физика и другіе предметы преподаются тамъ на иностранныхъ языкахъ, мало понятныхъ воспитанницамъ, что учи-

[1]) См. Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ 23, стр. 286.

тельницы, обучающія этимъ наукамъ, сами не знаютъ ихъ основательно, и что въ институтѣ нѣтъ даже распредѣленія уроковъ по днямъ и часамъ.

По этому Коммисія ввела преподаваніе всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, неспособныхъ учительницъ замѣнила приготовленными учителями, сосредоточивъ сродные предметы въ рукахъ однихъ и тѣхъ же преподавателей, установила точное распредѣленіе уроковъ по днямъ и часамъ, и ввела свой методъ преподаванія. 10 апрѣля 1783 года всѣ эти предположенія Коммисіи были уже одобрены государынею.

Вслѣдъ за тѣмъ, Коммисія установила для Смольнаго такой учебный планъ: въ первомъ возрастѣ, въ первые два года, 23 часа ученія въ недѣлю, а въ третій годъ 24 часа, въ томъ числѣ на русскій и французскій языки всего болѣе уроковъ, именно по семи часовъ, во второмъ возрастѣ 27 часовъ, и всего болѣе на русскій языкъ (5 часовъ), въ третьемъ и четвертомъ возрастахъ по 29-ти часовъ.

Для наблюденія за исполненіемъ этого плана назначенъ былъ Коммисіею особый инспекторъ, или «надзиратель ученія», для котораго Яковичъ составилъ инструкцію, или «наставленіе», утвержденное Коммисіею.

Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ преобразованіемъ принесена была существенная польза учебному дѣлу Смольнаго. Но нельзя не сказать, что Коммисія, такъ много содѣйствовавшая введенію правильнаго ученія, увлекалась иногда весьма непрактичными идеалами. Такъ, напримѣръ, исходя изъ правильнаго взгляда, что дѣвицы должны быть воспитаны такъ, чтобы могли сдѣлаться со временемъ хорошими хозяйками, вѣрными женами и попечительными матерями, она предположила составить руководство, въ которомъ изложить не только педагогическія правила о воспитаніи дѣтей, что, конечно, весьма полезно, но и наставленія, какъ вести себя во время беременности и грудокормленія, что вовсе не соотвѣтствуетъ возрасту воспитанницъ.

Коммисія навѣщала Смольный довольно часто въ полномъ

своемъ составѣ, присутствовала на экзаменахъ, даже производила ихъ иногда не въ урочное время.

Опредѣленіе, увольненіе и награды учителей Смольнаго зависѣли отъ Коммисіи.

Все это, разумѣется, не могло нравиться главному начальнику Смольнаго И. И. Бецкому, который, однако, впослѣдствіи, долженъ былъ примирится со всѣми сдѣланными въ его учебномъ заведеніи, помимо его, столь существенными измѣненіями. «Въ новость тебѣ скажу», писалъ въ 1787 году предсѣдатель Коммисіи П. В. Завадовскій графу А. Р. Воронцову, «Бецкій обратился ко мнѣ своимъ благоволеніемъ, зоветъ часто къ себѣ, и я у него бываю. Началъ тѣмъ, что онъ меня любилъ отлично. Я отвѣчалъ: сіе я самъ знаю, а только того не вѣдаю: за что онъ меня ненавидѣлъ»[1]).

Во все царствованіе Екатерины, выпущено было изъ Смольнаго окончившихъ курсъ дѣвицъ: въ благородномъ отдѣленіи 440, въ мѣщанскомъ около 410.

Всѣхъ же воспитывавшихся въ обоихъ отдѣленіяхъ въ этотъ періодъ времени было 1316 [2]).

Горное училище.

Въ древней Россіи знатоки горнаго дѣла выписывались изъ за границы. Императоръ Петръ I послалъ въ 1724 году 22 учениковъ морской и артиллерійской школъ въ Швецію для обученія на рудникахъ. Въ его же царствованіе устроены были двѣ горныя школы: въ Олонцѣ и на Уралѣ; въ Олонцѣ извѣстный горный инженеръ Геннингъ завелъ механическую школу; въ ней приготовлялись артиллеристы и инженеры, которые, по окончаніи ученія, практиковались на Олонецкихъ заводахъ; управлявшій

---

[1]) См. Архивъ князя Воронцова. Книга 12. Москва. 1877 г. стр. 40.

[2]) Георги. Описаніе столичнаго города Санктпетербурга. Спб. 1794 г. 3 части, стр. 394.

Уральскими горными заводами В. Н. Татищевъ открылъ двѣ такъ называемыя ариѳметическія школы, въ которыхъ обучали горному искуству, въ Кунгурѣ и въ Уктусскомъ заводѣ, которыя вскорѣ были соединены въ одну горную школу въ Екатеринбургѣ. Школы эти имѣли преимущественно практическій характеръ.

Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, Татищевъ, назначенный вторично управляющимъ Уральскими горными заводами, желалъ распространить Екатеринбургскую школу, расширивъ ея курсъ введеніемъ въ него механики, пробирнаго дѣла, и языковъ латинскаго и нѣмецкаго, но встрѣтилъ затрудненія въ невозможности достать учителей. Школа эта постепенно упадала, и горное вѣдомство, по необходимости, должно было довольствоваться практикантами, безъ спеціальнаго научнаго подготовленія: изъ артиллерійской и инженерной школы посылалось на Уральскіе заводы нѣсколько учениковъ, которые и производились потомъ въ горные офицеры.

Потребность въ горномъ учебномъ заведеніи была чувствительна: въ семидесятыхъ годахъ царствованія Екатерины однихъ частныхъ металлическихъ заводовъ считалось уже 169 кромѣ казенныхъ заводовъ, а порядочно устроенной горной школы не было. — Пермскіе рудопромышленники изъявили готовность участвовать въ содержаніи такого училища. Бергъ-коллегія составила уставъ предполагавшагося горнаго училища, и представила его Сенату, который поручилъ разсмотрѣть его оберъ-прокурору М. Ф. Соймонову, завѣдывавшему тогда, послѣ смерти президента оберъ-коллегіи Мусина-Пушкина, бергъ-коллежскими дѣлами.

Соймоновъ составилъ свой проектъ устройства горнаго училища на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) принимать въ него студентовъ Московскаго университета, обученныхъ нѣмецкому, французскому и латинскому языкамъ, также ариѳметикѣ, геометріи и начальнымъ основаніямъ химіи, 2) содержать въ немъ 24 казеннокоштныхъ и 30 своекоштныхъ студентовъ, 3) по-

ручать чтеніе лекцій, кромѣ профессоровъ, и горнымъ офицерамъ, прибавивъ имъ содержаніе, 4) курсъ ученія назначался четырехлѣтній, и состоялъ изъ ариѳметики, алгебры, геометріи, маркшейдерскаго искуства, минераологіи, металлургіи, химіи, механики, гидравлики, физики и рисованія.

Докладъ Сената объ учрежденіи горнаго училища при бергъ-коллегіи утвержденъ былъ Императрицею 21 октября 1773 года [1]), а дѣйствительное открытіе его послѣдовало 28 іюня 1774 года, потому что нужно было употребить нѣсколько мѣсяцевъ для перестройки купленныхъ для его помѣщенія, между 21 и 22-ю линіями Васильевскаго острова, двухъ домовъ графа П. Б. Шереметева. Въ училище поступило 23 студента.

Въ профессора училища поступили отчасти академики, отчасти иностранные ученые, почему въ первое время нѣкоторые предметы читались на нѣмецкомъ языкѣ. Между преподавателями были выдающимися: академикъ Крафтъ, читавшій физику, и въ особенности Ренованцъ, преподававшій маркшейдерское искуство и бывшій впослѣдствіи инспекторомъ училища и оберъ-бергмейстеромъ Колывано-воскресенскихъ заводовъ [2]).

Окончивъ курсъ горныхъ наукъ въ Фрейбергской горной Академіи (въ Саксоніи), Ренованцъ поступилъ въ русскую службу въ 1772 году бергъ-пробиреромъ, и участвовалъ въ составленіи устава горнаго училища. Онъ составилъ учебные кабинеты, сдѣлалъ подробное имъ описаніе и устроилъ на дворѣ училища примѣрный рудникъ, въ формѣ горы, въ 332 саженп длины и 30 сажень ширины; въ этой горѣ помѣщена была рудокопная модель, на 101 сажень длины и три саженп глубины съ шахтами, штольнями, воротами и проч. Гора эта привлекла

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 14048.

[2]) См. Renovanz, russisch-Kaiserl. Oberbergmeister von Kolywanischen Staat, Inspektor und Lehrer der Bergwerkswissenschaften bei der Kaiserl. Bergschule zu St. Petersburg. — Mineralogisch-geographische und andere vermischte Nachrichten von den Oltaischen Gebürgen russisch-Kaiserlichen Antheils. Reval 1788.

много любопытныхъ, и рѣдкій иностранецъ, бывшій въ Петербургѣ, не осматривалъ ее. Вскорѣ послѣ открытія горнаго училища, устроена была при немъ типографія, и учреждено учебное собраніе. Хотя эта ученая коммисія существовала всего четыре года, но она положила начало ученой разработки горныхъ наукъ: издано было семь книгъ «Горнаго Словаря», и вызваны ученыя силы къ разработкѣ предметовъ горнаго дѣла. Между ними особое вниманіе спеціалистовъ заслужилъ трудъ горнаго инженера Франца-Людвига Канкрина (Cancrenus), отца будущаго министра финансовъ [1]). Нѣкоторые изъ окончившихъ курсъ студентовъ посылались, для дальнѣйшаго образованія, въ германскія горныя училища.

Въ 1766 году, то есть два года послѣ открытія училища, сдѣлано было существенное преобразованіе въ его организаціи: открыты были въ немъ низшіе классы, съ гимназическимъ курсомъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ пріемъ студентовъ прекратился.

Передъ уничтоженіемъ въ 1784 году бергъ-коллегіи, и передачи ея дѣлъ казеннымъ палатамъ, что̀ отразилось весьма невыгодно на горномъ дѣлѣ въ Россіи, горное училище перешло въ 1783 году въ вѣдѣніе Петербургской казенной палаты; но въ слѣдующемъ 1784 году поступило въ управленіе начальника кабинета П. А. Соймонова, который завѣдывалъ имъ до 1792 года, увеличилъ число воспитанниковъ и сумму на содержаніе училища. Послѣ него училище перешло опять въ руки его основателя М. Ф. Соймонова [2]).

Хорошее устройство горнаго училища заслужило ему довѣріе общества, и многіе родители помѣщали туда своихъ дѣтей, такъ что, кромѣ 70 казенныхъ воспитанниковъ, въ немъ было около 50 пансіонеровъ [3]).

---

[1]) Первыя основанія искуства горныхъ и соляныхъ производствъ, сочиненныя коллежскимъ совѣтникомъ Францомъ-Людвигомъ Канкринымъ. — Переведена капитаномъ Рошещниковымъ. СПб. 1785 г.

[2]) Научно-историческій Сборникъ, изданный горнымъ институтомъ ко дню его столѣтняго юбилея. СПб. 1873 г.

[3]) Георги. Описаніе столичнаго города Санктпетербурга. Стр. 141.

Учрежденіе горнаго училища составляетъ эпоху въ развитіи горнаго производства въ Россіи; оно снабдило горные заводы учено-подготовленными спеціалистами изъ русскихъ, и сдѣлало возможными всѣ дальнѣйшія усовершенствованія въ этой столь важной части государственнаго хозяйства.

Греческая гимназія, или греческій кадетскій корпусъ.

Во время первой турецкой войны и Морейской экспедиціи, набирались въ Греціи греческіе мальчики, преимущественно стараніями Моцениго (съ 1784 года онъ былъ русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Флоренціи, а съ 1787 года посланникомъ въ Туринѣ), и отправлялись въ Италію, гдѣ ихъ содержали и обучали на счетъ русскаго правительства.

По заключенію мира съ Турціею, они посланы были въ Петербургъ. Первоначально въ 1774 году думали помѣстить ихъ въ Ораніенбаумѣ [1]), но мысль эта вскорѣ была оставлена, и Императрица поручила инженеръ-генералу и строенія государственныхъ дорогъ директору Мордвинову устроить для нихъ гимназію, при артиллерійскомъ и инженерномъ кадетскомъ корпусѣ, съ тѣмъ, чтобы и впослѣдствіи наши единовѣрцы могли пользоваться ею для воспитанія своихъ дѣтей.

Мордвиновъ представилъ проектъ устройства училища на 200 учениковъ, отъ 12-ти до 16-ти лѣтъ, съ четырехлѣтнимъ курсомъ. Въ этомъ училищѣ полагались слѣдующіе предметы: ариѳметика, алгебра, геометрія, исторія, географія, рисованіе, языки: русскій, нѣмецкій, французскій, итальянскій, турецкій и греческій, но въ такой постепенности, чтобы учащіеся не изучали одновременно болѣе двухъ языковъ, «дабы множествомъ чужестранныхъ словъ не затмить понятіе, а тѣмъ не отнять способности къ изученію другихъ полезныхъ наукъ». По окон-

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ 27, стр. 5.

чаніи этого курса, ученики должны были поступать въ разныя спеціальныя учебныя заведенія, какъ-то: морской и артиллерійскій кадетскій корпусъ, въ училище Академіи Наукъ, и т. п. 17 апрѣля 1775 года Императрица утвердила эти предположенія [1]), и приказала отпускать на содержаніе греческой гимназіи ежегодно по 41,613 р. [2]).

Учебною частію въ греческой гимназіи завѣдывалъ съ 1776 по 1783 годъ академикъ Румовскій, въ званіи инспектора. Ученики жили не обширнымъ, общимъ интернатомъ, а въ каждой комнатѣ по семи человѣкъ, и, что всего замѣчательнѣе, не смотря на рѣзкую перемѣну климата, рѣдко подвергались болѣзнямъ, такъ что въ лазаретѣ гимназіи обыкновенно бывало мало, а иногда и вовсе не было больныхъ.

Вскорѣ училище это пріобрѣло, направленіемъ воспитанія и ученія, даннымъ ему съ самаго начала, довѣріе петербургскаго общества, и многія русскія дворянскія семейства стали помѣщать въ него своихъ дѣтей [3]).

Въ 1779 году, то есть черезъ четыре года послѣ учрежденія этой гимназіи, послѣдовалъ первый изъ нея выпускъ, и по этому случаю издана была «Ода Ея Императорскому Величеству Государынѣ Екатеринѣ II, самодержицѣ всероссійской, истинной покровительницѣ грековъ, сочиненная на елино-греческомъ языкѣ греческой гимназіи ученикомъ Георгіемъ Балдани, а съ онаго имъ же на россійскіе стихи переложенная» [4]).

Ни въ морскомъ, ни въ артиллерійскомъ кадетскихъ корпусахъ не нашлось свободныхъ мѣстъ для желавшихъ поступить туда грековъ, окончившихъ гимназическій курсъ; потому въ началѣ 1779 года велѣно было имъ слушать курсъ военныхъ наукъ

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 14299.

[2]) Тамъ же № 14300.

[3]) Георги. Описаніе столичнаго города Санктпетербурга. стр. 387.

[4]) Bakmeister. Russische Bibliothek zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland. 6-ter Band. 2 u. 3 Stück. 8. 304—314.

въ греческой гимназіи [1]). Въ слѣдующемъ 1780 году послѣдовалъ первый выпускъ изъ этой гимназіи въ офицеры арміи [2]).

По политическимъ соображеніямъ, рѣшено было въ 1783 году, послѣ смерти Мордвинова, перевести греческую гимназію въ Херсонъ, вѣроятно, для бо̀льшей близости ея учениковъ къ ихъ родинѣ, и 31 января послѣдовалъ уже указъ о томъ на имя Потемкина, которому она была предоставлена въ управленіе [3]). Указъ этотъ однако не былъ приведенъ въ исполненіе: греческая гимназія осталась въ Петербургѣ. Въ 1799 году Потемкинъ назначилъ ея директоромъ Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, который расширилъ ея курсъ. И по смерти Потемкина, она осталась въ завѣдываніи Мусина-Пушкина [4]) во все остальное время царствованія Императрицы Екатерины.

Медико-хирургическія училища и школы.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины, медицинскія школы продолжали сначала существовать, по прежнему, при госпиталяхъ; въ 1780 году убавлена изъ прежде бывшихъ одна въ Петербургѣ, гдѣ на два госпиталя оставлена одна школа.

Въ 1787 году послѣдовало по медицинскому учебному вѣдомству весьма важное преобразованіе, заключавшееся въ томъ, что медицинскія школы отдѣлены были отъ госпиталей, и сдѣлались самостоятельными учебными заведеніями, съ болѣе теоретическимъ преподаваніемъ, подъ названіемъ медико-хирургическихъ училищъ. Еще болѣе существенное измѣненіе въ этихъ училищахъ замышлялъ въ 1795 году директоръ медицинской коллегіи Васильевъ, проектъ переустройства учебной части ихъ былъ уже изготовленъ, подъ названіемъ «Предварительное по-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 14830.

[2]) Тамъ же № 15059.

[3]) Тамъ же № 15659. Этотъ указъ перепечатанъ въ 27 Томѣ Сборника Русскаго Историческаго Общества. Стр. 230—231.

[4]) Георги. Стр. 385.

становленіе о должностяхъ учащихъ и учащихся», но, по случаю кончины Императрицы въ слѣдующемъ году, не было утверждено.

Кромѣ того, въ это царствованіе устроены были медицинскія школы при Калинкинской больницѣ, и въ Елазаветградѣ при учрежденномъ тамъ княземъ Потемкинымъ госпиталѣ [1]).

Императрица Екатерина II вполнѣ сознавала, что нѣсколько учебныхъ заведеній, сосредоточенныхъ въ столицѣ, не могутъ принести существенной пользы для образованія обширной имперіи. Мысль объ общеніи и распространеніи образованія никогда не покидала ее, и мы попробуемъ представить оставшіеся слѣды этой общей мысли.

Объ учебной части въ Коммисіи о составленіи проекта новаго уложенія.

Въ наказѣ Коммисіи, послѣ разсужденій о пользѣ образованія, обращено особенное вниманіе на домашнее воспитаніе въ семействахъ; въ немъ сказано именно: «невозможно дать общаго воспитанія многочисленному народу и вскормить всѣхъ дѣтей въ нарочно для того учрежденныхъ домахъ». По этому въ наказѣ изложены совѣты родителямъ о томъ, чтобы воспитывать дѣтей своихъ въ страхѣ божіемъ, вселять въ нихъ любовь къ отечеству, почитать установленныя власти, самимъ остерегаться предъ ними дурныхъ поступковъ, какъ-то: брани, клятвы, лжи, дракъ, и т. п.; наконецъ дословно выписаны изъ доклада Бецкаго о воспитаніи обоего пола юношества нѣсколько правилъ о воспитаніи. Однимъ словомъ, наказъ ограничился одними общими наставленіями о домашнемъ воспитаніи [2]).

---

[1]) См. Чистовича, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. СПб. 1883 г.

[2]) Наказъ Коммисіи о составленіи проекта новаго уложенія, подписанный Императрицею 30 іюля 1767 года, статьи 348—356.

Если бы занятія Коммисіи ограничились этими предѣлами, то не возникали бы въ ней даже и вопросы по учебной части, и кромѣ словъ и общихъ мѣстъ ничего бы отъ нея и не осталось. Но восемь мѣсяцевъ послѣ наказа вышло «Начертаніе о приведеніи къ окончанію Коммисіи о составленіи проекта новаго уложенія» [1]). Оно пошло далѣе домашняго воспитанія, устанавливая образованіе общественное; въ немъ означены три рода или степени учебныхъ заведеній: низшія, среднія и высшія (верховныя училища), то есть начальныя школы, гимназіи и университеты. Въ числѣ 18-ти спеціальныхъ Коммисій, образованныхъ при такъ называемомъ «Большомъ Собраніи», учреждена была «Коммисія о училищахъ и призрѣнія требующихъ».

Въ маѣ 1768 года зашла впервые рѣчь въ Большомъ Собраніи объ училищахъ; депутатъ отъ пахатныхъ солдатъ Нижегородской провинціи просилъ открыть для ихъ дѣтей школы. Ему возражалъ депутатъ отъ города Пензы, что онъ не видитъ для нихъ въ томъ необходимости, что многіе Пензенскіе пахатные солдаты, содержащіе тамъ ландъ-милицію, и безъ школъ выучились грамотѣ и вышли въ секретари и прочіе приказные служители, и сдѣлались взяточниками, а отведенныя имъ земли забросили; потому онъ находилъ, что нѣтъ надобности заводить для нихъ школъ, что «земледѣльцу не слѣдуетъ учиться несходственнымъ съ его состояніемъ наукамъ, кромѣ россійской грамотѣ, но и то по собственному чьему желанію». Мнѣніе Нижегородскаго депутата отъ пахатныхъ солдатъ поддерживали такой же депутатъ отъ нихъ изъ Пензы и Серпейскій депутатъ отъ дворянствъ графъ Александръ Строгановъ. Но польза просвѣщенія низшаго сословія въ понятіяхъ графа Строгонова представлялась въ смыслѣ сословномъ, дворянскомъ. «На что», писалъ онъ, «намъ далеко искать примѣровъ, до какихъ бѣдствъ доводитъ насъ невѣжество? Безъ ужаса представить сему не могу плачевное позорище умерщвленныхъ своими собственными

[1]) Это «Начертаніе» подписано было Императрицею 8 апрѣля 1768 года.

крестьянами помѣщиковъ. Еще годъ не минулъ, какъ подобный злоумыселъ почти въ глазахъ нашихъ предпріемлемъ и совершенъ былъ: сіи злодѣи, подобные дикимъ звѣрямъ, не токмо господина своего разлучивъ, умертвили, но жену его и нерожденнаго еще младенца изъ нѣдръ ея вырвали. Я увѣренъ, почтенное собраніе, что если бы просвѣщеннѣе сей родъ людей былъ, то конечно бы подобныхъ свирѣпствъ мы свидѣтелями не были. И такъ вы сами видите, сколь училища для крестьянства полезны. И когда оные изъ тьмы невѣжества выйдутъ, тогда и достойными себя сдѣлаютъ пользоваться собственностію и вольностію». Графа Строганова поддерживалъ Клинскій депутатъ отъ дворянства Орловъ, заведшій школу для крестьянскихъ дѣтей своего имѣнія, а Обоянскій депутатъ отъ дворянства Глазовъ возражалъ ему тѣмъ, что содержаніе школъ было бы отяготительно для народа, и предлагалъ устроить при всѣхъ церквахъ училища, въ которыхъ обучать дѣтей духовныхъ лицъ, купцовъ, отставныхъ унтеръ-офицерскихъ и солдатскихъ дѣтей; «владѣльцы же», прибавлялъ онъ, «если пожелаютъ отдавать обучать праздношатающихся, коихъ содержать должны на своемъ коштѣ, безъ принужденія» [1]).

Этими немногими предложеніями и возраженіями и окончились всѣ разсужденія о народномъ образованіи въ Большомъ Собраніи.

Гораздо подробнѣе разобраны были если не всѣ, то многія стороны этого важнаго дѣла, въ учебной коммисіи.

Въ эту коммисію избраны были въ маѣ 1768 года членами депутаты: Кіевскаго полка, повѣтовъ Козелецкаго и Остерскаго отъ шляхетства Владиміръ Золотницкій, отъ города Переяславля Угрюмовъ, отъ Дерпта Урсинусъ и отъ Тульскаго дворянства Алексѣй Ивашкинъ; Угрюмовъ и Ивашкинъ вскорѣ изъ нея вышли, и въ сентябрѣ избранъ былъ членомъ депутатъ юстицъ-коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Фин-

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ 32, 1881 г. стр. 52, 55, 66, 73—74, 101, 113, 398, 411—412, 430—432, 457, 520—522, 533—534.

ляндскихъ дѣлъ Тимоѳей Клингштетъ, а генералъ-прокуроромъ назначенъ депутатъ Уфимской провинціи отъ государственныхъ крестьянъ Беклешовъ. Кромѣ того, маршалъ собранія назначилъ отъ себя членомъ въ эту коммисію депутата медицинской коллегіи барона Георга Аша [1]), извѣстнаго въ то время врача, отличившагося впослѣдствіи по своей спеціальности въ первую турецкую войну, и въ особенности во время чумы въ Москвѣ (род. 1727 году, умеръ 1807 года). Онъ остался въ коммисіи до конца 1768 года, когда долженъ былъ отправиться въ походъ. Въ началѣ 1769 года коммисія усилена была двумя членами, депутатами отъ Курскаго дворянства Стролинсовымъ и города Мензелинска отъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ и драгунъ Леонтьевымъ. Въ августѣ 1769 года Золотницкій отправился на войну, а на его мѣсто выбранъ былъ депутатъ города Погары Хоминскій. — Въ августѣ 1771 года Клингштетъ уволенъ былъ въ годовой отпускъ за границу.

Въ самомъ началѣ занятій училищной коммисіи, переданы были ей изъ дирекціонной коммисіи два проекта объ учрежденіи въ Россіи училищъ, а впослѣдствіи поступили еще три записки: 1) отъ депутата новокрещенной Мордвы въ Пензенской провинціи, 2) изъ наказа Калужскому и Медынскому депутату князю Борису Голицыну о заведеніи въ Россіи училищъ, и 3) проектъ отъ депутата города Ряжска объ опредѣленіи, на счетъ дворянства, учителя для обученія дѣтей бѣдныхъ дворянъ грамотѣ, математикѣ, фортификаціи и артиллеріи. Кромѣ того, въ коммисіи читались уставы существовавшихъ тогда въ Россіи учебныхъ заведеній, и положенія о разныхъ иностранныхъ училищахъ, какъ-то: о двухъ англійскихъ университетахъ, объ ирландскихъ учебныхъ заведеніяхъ, о прусскихъ начальныхъ училищахъ и т. п.

Клингштетъ, Урсинусъ и баронъ Ашъ были дѣятельными членами коммисіи, Золотницкій принималъ также участіе

---

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ 32, стр. 86, 91, 98, 231, 341.

въ ея работахъ. Сначала каждый изъ нихъ составилъ свой планъ; но такъ какъ всѣ эти планы состояли изъ однихъ оглавленій и возбудили пререканія между членами, то найдено было болѣе практичнымъ написать проекты уставовъ учебныхъ заведеній. Эти проекты сохранились въ черновомъ видѣ, и нѣкоторые со значительными помарками; они касались низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Всего было изготовлено четыре проекта: 1) о нижнихъ деревенскихъ училищахъ (8 главъ), 2) о нижнихъ городскихъ училищахъ (7 главъ), 3) о среднихъ училищахъ (8 главъ), 4) проектъ училищъ для иновѣрцевъ.—Мысль объ учрежденіи городскихъ училищъ принадлежала Клингштету; въ дѣлахъ сохранилась написанная имъ по нѣмецки и потомъ переведенная на русскій языкъ записка, въ которой онъ доказываетъ, что однѣхъ гимназій и начальныхъ школъ недостаточно, что между ними должны быть поставлены срединныя учебныя заведенія, городскія училища (Trivial Schulen), которыя приготовляли бы своихъ учениковъ къ практической жизни, а также и облегчали бы ихъ поступленіе въ гимназіи пріуготовительнымъ обученіемъ. Это же видно изъ дневныхъ записокъ коммисіи 2-го ноября 1770 года и 8 марта 1771 года. Предположенія объ образованіи инородцевъ составлены были барономъ Ашемъ, Золотницкимъ и Урсинусомъ [1]).

---

[1]) Это видно изъ того, что нѣкоторыя мысли объ образованіи инородцевъ, изложенныя въ запискѣ барона Аша и Урсинуса, совершенно соотвѣтствуютъ съ проектомъ устройства иновѣрческихъ училищъ. Въ этой запискѣ именно сказано: «При чемъ разсуждать такожде объ ученіи иновѣрческихъ дѣтей тѣмъ больше мы себѣ за должность почитаемъ, чѣмъ они немалую часть подданныхъ Ея Императорскаго Величества составляютъ, и столько же имѣютъ участія въ благоутробіи Всемилостивѣйшія Матери отечества, сколько и прочіе, державѣ Россійской подвластные. Если же произвесть сіе въ дѣйство нѣсколько трудно покажется, то тѣмъ ревностнѣе должны мы прилагать стараніе объ отвращеніи таковыхъ препятствій. Внушеніе всякому правилъ естественнаго закона не заключаетъ въ себѣ никакого принужденія вѣры, но можетъ оное вмѣстительно быть со всякою вѣрою. Училища народныя, какъ-то общественныя школы, какъ написано въ начертаніи, заключаютъ уже въ себѣ училища для всѣхъ народовъ Россійскаго государства, хотя бы мы и не упомянули точно о единовѣрцахъ въ планѣ».

Объ устройствѣ деревенскихъ школъ.

Училищная коммисія, по мысли Урсинуса, предполагала, по примѣру прусскихъ начальныхъ школъ [1]), ввести обязательное обученіе для всего мужескаго народонаселенія, но только чтенію, а не письму. Съ этою цѣлію она назначала школу въ каждомъ селѣ, а также и въ большихъ деревняхъ, далеко отстоящихъ отъ села, по такому разсчету, чтобы на каждыя 100—250 семей было по одной школѣ, которая могла бы вмѣщать въ себѣ до 30-ти учащихся; если число семей превышало 500, то должно было устроить двѣ школы; тамъ, гдѣ ихъ было менѣе ста, все таки должна была существовать для нихъ школа. Постройка училищныхъ домовъ и содержаніе школъ относились на счетъ прихожанъ. Крестьяне обязывались отдавать въ школы своихъ мальчиковъ отъ 8-ми до 12-ти лѣтняго возраста, которые и оставались бы въ школѣ четыре года, а запоздавшіе началомъ ученія «до выучки». Дѣвочки избавлялись отъ обязательности ученія, и принимались въ школы только по желанію ихъ родителей. Продолжительность учебнаго курса опредѣлялась восьмимѣсячная, то есть отъ окончанія полевыхъ работъ въ сентябрѣ, до начала ихъ, въ маѣ.—Ученіе должно было происходить по особо составленному для того Сѵнодомъ руководству, которое включало бы въ себѣ церковную и гражданскую азбуку, нѣко-

---

[1]) Въ дневной запискѣ 2-го іюня 1769 года сказано: «Разсматривали проектъ о нижнихъ училищахъ.... соображаясь съ планомъ о учрежденіи во всей Россійской имперіи, на равномъ основаніи, учрежденныхъ королемъ прусскимъ въ его государствѣ нижнихъ училищъ».

2-го іюля 1769 года: «Читали проектъ о нижнихъ училищахъ, сочиненный г. депутатомъ Яковомъ-Іоганомъ Урсинусомъ, о которомъ имѣли свои разсужденія, и оный утверждали».

Въ дневной запискѣ 21-го октября 1770 года записано: «Господинъ депутатъ и членъ сей коммисіи пришедъ въ присутствіе отъ города Дерпта Яковъ Іоганъ Урсинусъ въ 10 часовъ, и, по подписаніи дневной записки прошедшаго собранія, соображалъ свой проектъ о деревенскихъ школахъ съ учрежденіемъ прусскаго короля о училищахъ».

торыя молитвы, краткій катихизисъ и изложеніе обязанностей крестьянина. Надзоръ надъ школами поручался священникамъ, но такъ какъ, по своимъ приходскимъ обязанностямъ, они часто отлучаются изъ своихъ домовъ, то и не обязывались учить; въ учители же предназначались діаконы, а гдѣ ихъ не было, дьячки; наконецъ, въ случаѣ недостатка церковнослужителей, допускались и свѣтскіе преподаватели. Главное завѣдываніе сельскими школами предоставлялось архіерею, совмѣстно съ губернаторомъ, мѣстное же ими управленіе ввѣрялось дворянамъ, выбраннымъ уѣзднымъ дворянствомъ въ каждомъ стану въ должность начальниковъ надъ школами; они обязаны были разъ въ два мѣсяца осматривать всѣ школы своего стана и экзаменовать учениковъ; имъ давалось право не только наказывать, но и смѣнять учителей, и назначать на ихъ мѣсто другихъ. Какъ умѣренно было содержаніе, полагавшееся учителямъ, видно изъ того, что, при дачѣ натурою трехъ четвертей ржи, священнику опредѣлялось въ годъ два рубля жалованья, учителю изъ духовныхъ, пользовавшихся землею, 4 рубля, а изъ свѣтскихъ, не имѣвшихъ земельныхъ участковъ, 6 рублей. Такой незначительный расходъ, конечно, не могъ быть тягостенъ для прихожанъ, а потому и повсемѣстность обученія не встрѣтила бы затрудненій въ денежномъ отношеніи.

Въ мартѣ 1770 года проектъ о деревенскихъ школахъ былъ готовъ [1]).

Нижнія городскія училища.

Въ городахъ предлагалось ввести также обязательность ученія, усиливъ ее тѣмъ, чтобы не только мальчики городскихъ жителей, но и дочери ихъ начиная съ семи лѣтъ должны были учиться, съ тою разницею, что для мальчиковъ дѣлались обяза-

[1]) Въ дневной запискѣ 2-го марта 1770 года сказано: «Господа депутаты продолжали чтеніе проекта о нижнихъ деревенскихъ училищахъ, которое окончя, утвердили».

тельными не только чтеніе, но и письмо, а для дѣвочекъ одно только чтеніе. На каждыя сто семействъ полагалась одна школа; постройка школьныхъ домовъ и содержаніе школъ относились на счетъ городскихъ жителей. Способъ надзора и составъ учителей полагались такіе же, какъ и въ сельскихъ школахъ. Кромѣ этихъ школъ грамотности, для городовъ, въ которыхъ не было ни высшаго, ни средняго учебнаго заведенія, находили необходимымъ учредить ариѳметическія школы. То же двоевластіе управленія, какъ и сельскими школами, полагалось и для городскихъ: онѣ ставились въ зависимость какъ отъ архіерея, такъ и отъ губернатора.

Составители этихъ проектовъ сознавали, что, при обязательности обученія, становятся необходимыми денежныя взысканія за несоблюденіе положенныхъ о немъ правилъ; потому училищная коммисія просила коммисію о правосудіи опредѣлить наказанія, слѣдующія съ родителей за неприсылку въ школы дѣтей опредѣленнаго возраста, съ прихожанъ за неуплату школьной суммы, и съ помѣщиковъ за припятствіе принадлежащимъ имъ крестьянамъ отдавать въ школы своихъ дѣтей, или уплачивать слѣдующій съ нихъ школьный сборъ. Впрочемъ, коммисія о правосудіи не почла себя въ правѣ устанавливать штрафы за неисполненіе училищныхъ постановленій [1]).

Проектъ училищъ для инородцевъ.

Мысль объ образованіи инородцевъ принадлежитъ барону Ашу, къ которому присоединился Золотницкій; они представили въ коммисію записку, въ которой доказывали, что нужно стремиться къ сближенію инородцевъ съ остальнымъ народонаселеніемъ, и для этого завести для нихъ училища, и въ нихъ преподаваніе особымъ способомъ, соображаясь съ родомъ ихъ жизни и вѣры. Заявленіе это было принято сочувственно ком-

[1]) Дневная записка 14 октября 1770 года.

мисіею; она пригласила въ свои засѣданія инородческихъ депутатовъ сибирскихъ и татарскихъ, для уясненія себѣ ихъ вѣры, обрядовъ и обычаевъ, записала ихъ, истребовала отъ Сѵнода статистическія свѣдѣнія о распредѣленіи инородцевъ по епархіямъ [1]), однимъ словомъ, вошла во всѣ подробности этого важнаго вопроса, и изучала его, такъ сказать, на живыхъ экземплярахъ, на представителяхъ инородцевъ.

Вслѣдствіе такого изученія, положено было для осѣдлыхъ инородцевъ устроить особыя училища, не принуждая ихъ впрочемъ посѣщать ихъ, и ввести въ эти училища руководство, которое составлено было бы Сѵнодомъ, такъ, чтобы оно не касалось никакой частной религіи, а заключало бы въ себѣ только общія понятія о божествѣ, свойственное всѣмъ людямъ и почерпаемое изъ чудесъ твореній, а также обязанности подданнаго. Для тѣхъ инородческихъ племенъ, которыя не имѣютъ азбуки, напечатать это руководство русскими буквами, перевести его на русскій языкъ и нѣсколько инородческихъ мальчиковъ помѣстить въ русскія школы, гдѣ они, по этому руководству, ознакомившись съ русскимъ языкомъ, могли бы быть впослѣдствіи учителями своихъ единовѣрцевъ. Вообще полагалось, что учителями инородцевъ должны быть исключительно ихъ единоплеменники.

Въ іюлѣ 1770 года проекты о нижнихъ училищахъ были представлены въ дирекціонную коммисію [2]).

Проектъ о среднихъ училищахъ.

Единственнымъ типомъ средняго учебнаго заведенія коммисія признавала гимназію, и, не находя нужды въ другихъ ро-

---

[1]) Дневныя записки 11 сентября и 29 декабря 1768 г., 2 января, 17 февраля 7 и 23-го апрѣля 1769 года.

[2]) Въ дневной запискѣ 15 іюля 1770 г. сказано: «Пошли въ дирекціонную коммисію, для поданія сочиненнаго ими проекта о нижнихъ деревенскихъ и городскихъ училищахъ, и, подавши оный, возвратились оттуда обратно въ свою коммисію».

дахъ среднихъ училищъ, предлагала уничтожить духовныя семинаріи; въ гимназіяхъ должны были учиться какъ свѣтскія лица, такъ и готовящіеся къ духовному званію. Подъ помѣщеніе гимназій коммисія думала обратить большіе монастыри. Мысль эта была довольно общая въ то время; ее находимъ, напримѣръ, въ наставленіи, данномъ Малороссійскою коллегіею — выбранному въ коммисію о составленіи уложенія депутату [1]).

Уничтожая семинаріи, относя образованіе духовенства къ задачамъ гимназіи, коммисія не могла устранить отъ завѣдыванія ими епархіальныхъ архіереевъ, потому не только *продолжила* и для управленія средними учебными заведеніями то же двоевластіе, принятое ею для низшихъ школъ, но и довела его до такихъ размѣровъ, которые доказывали съ полною очевидностью неисполнимость такого управленія. Именно губернаторы и епархіальные архіереи назначались совмѣстно главными директорами (т. е. попечителями) надъ гимназіями, а такъ какъ въ то время предѣлы епархій не совпадали съ границами губерній, и бывали губерніи, въ которыя входили двѣ и болѣе епархій, то тамъ главнымъ директоромъ полагался тотъ архіерей, въ чьей епархіи находилась гимназія, прочіе же архіереи получали годовые отчеты отъ гимназіи и имѣли право посылать на экзамены довѣренныхъ отъ себя лицъ.

Непосредственныхъ начальниковъ надъ гимназіею или ректоровъ полагалось также два: архимандритъ, или игуменъ, назначенный Сѵнодомъ, и свѣтскій ректоръ, опредѣляемый университетомъ. Учители также отнесены къ двумъ категоріямъ,—духовныхъ и свѣтскихъ, и съ тѣмъ же порядкомъ назначенія отъ Сѵнода и отъ университета. При гимназіи учреждался совѣтъ, состоявшій изъ обоихъ ректоровъ и четырехъ старшихъ учителей, назначаемыхъ главными директорами. Преподаваніе должно было производиться по утвержденнымъ руководствамъ.

---

[1]) Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ 1858 г. Книга 3. Смѣсь стр. 51—70, 71—102.

Предполагавшійся учебный курсъ отличался крайнею многопредметностію: кромѣ общепринятыхъ въ гимназіи наукъ, съ латинскимъ и греческимъ и двумя новѣйшими языками, находимъ въ немъ еврейскій и англійскій, теоретическую философію, метафизику, механику, геодезію, архитектуру гражданскую и военную, коммерцію, политику, юриспруденцію и медицину. Составители проекта сознавали, что ученики не въ состояніи одолѣть такого сложнаго и разнообразнаго курса, потому и не обязывали ихъ проходить этотъ курсъ во всемъ его составѣ: совѣтъ гимназіи избиралъ для казенныхъ учениковъ предметы, которые каждый изъ нихъ долженъ изучать, а для своекоштныхъ учениковъ предоставлялось это родителямъ, съ согласія совѣта.

Гимназіи полагались закрытыми учебными заведеніями, на 120 человѣкъ казенныхъ учениковъ каждая; ученики отпускались изъ гимназіи только на каникулы; въ гимназіи принимались какъ дѣти дворянъ, такъ и разночинцевъ, которые пользовались тѣмъ же содержаніемъ, но дворяне вездѣ были отдѣлены отъ дѣтей другихъ сословій какъ въ помѣщеніи, такъ и въ классахъ и за столомъ, — одни сидѣли вмѣстѣ по одну сторону, другіе по другую [1]).

Очевидно, проектъ средняго учебнаго заведенія былъ самый слабый изъ всѣхъ проектовъ, составленныхъ училищною коммисіею; онъ просто былъ невозможенъ и неисполнимъ. Проектъ этотъ составленъ былъ Золотницкимъ [2]), но его не успѣли представить [3]), за закрытіемъ коммисіи.

Устройство университетовъ подвергалось также обсужденію коммисіи, равно какъ и проектъ университетскаго штата, со-

---

[1]) Архивъ II Отдѣленія собственной Его Величества Канцеляріи; дѣла подъ №№ 42, 43, $^{12}/_{145}$, связка 356.

[2]) Въ дневной запискѣ 22 іюня 1770 г. сказано: «Приступая къ положенію проекта о среднихъ училищахъ, разсматривали проектъ объ оныхъ депутата Владиміра Золотницкаго, и разсуждали, чтобы во всякой губерніи быть одной гимназіи».

[3]) Дневныя записки 20 и 25-го октября 1771 г. Засѣданіе 25 октября было послѣднимъ, и въ немъ дѣлались еще возраженія на этотъ проектъ.

ставленный профессорами Московскаго университета [1]); но такъ какъ къ составленію университетскаго устава приступлено было только въ октябрѣ 1771 года, то-есть передъ самымъ закрытіемъ коммисіи, то этотъ проектъ и не былъ оконченъ. Напротивъ того, мысли ея членовъ объ устройствѣ сельскихъ и городскихъ училищъ, также объ образованіи инородцевъ, были такъ здравы, что не только опередили свое время, но и наше. И доселѣ мы не дошли до убѣжденія, что единственно вѣрное средство для всеобщаго образованія народа есть обязательность начальнаго обученія для всѣхъ, что единичные случаи учрежденія начальныхъ школъ, столь же часто открывающихся, какъ и произвольно закрывающихся, мало вліяютъ на распространеніе образованія въ обширной Имперіи, и что безъ правительственнаго принужденія къ ученію, русскій народъ, видящій въ указаніяхъ правительства тотъ путь, которому онъ долженъ слѣдовать, на долгое время останется въ невѣжествѣ, самъ собою не сознавая пользы образованія; конечно, есть и будутъ исключенія, но не болѣе. Легко себѣ представить какія благодѣтельныя послѣдствія имѣло бы принятіе правительствомъ, болѣе вѣка тому назадъ, начала обязательности ученія: теперь почти весь русскій народъ былъ бы грамотенъ, какъ германскій, и общій уровень образованности страны, вліяющій на все ея положеніе, какъ духовное, такъ и экономическое, былъ бы гораздо выше. То же можно сказать и объ идеяхъ, относительно образованія инородцевъ, имѣющаго у насъ несравненно болѣе значенія, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, какъ по ихъ многочисленности и племенной разнообразности, такъ и потому, что они занимаютъ всѣ окраины государства, составляя политически слабую его сторону. Только въ послѣднее время началось образованіе инородцевъ, положены главныя начала, такъ сказать, инородческой системы образованія, учреждено нѣсколько инородческихъ учительскихъ семинарій, и т. п. Но все это не болѣе какъ при-

[1]) Дневныя записки 23 апрѣля и 5 мая 1769 г. и 7 октября 1771 г.

ступъ къ дѣлу, и очень многое остается недодѣланнымъ. Вѣрность взглядовъ членовъ училищной коммисіи въ этомъ вопросѣ поразительна: они предлагали именно такія мѣры, которыя въ наше время спеціалистами признаны единственно возможными для правильнаго образованія инородцевъ. Къ нимъ относятся и введеніе русскаго алфавита для книгъ тѣхъ инородцевъ, которые не имѣютъ собственной литературы, и совмѣстное съ ихъ нарѣчіемъ изученіе русскаго языка, и правило о томъ, чтобы учители для нихъ назначались изъ ихъ соплеменниковъ. Многое изъ этой вѣрной системы и доселѣ не могло быть выполнено за разными мѣстными и другими затрудненіями.

Проекты училищной коммисіи остались не только неосуществленными, но до сего времени и вовсе никому неизвѣстными, и, въ теченіе цѣлаго столѣтія, столь важные вопросы, какъ обязательность народнаго обученія и образованіе инородцевъ, никѣмъ не поднимались. И такъ, практически труды ея не имѣли никакого значенія, они исчезли; но не должны исчезнуть изъ историческаго воспоминанія тѣ просвѣщенныя мысли, которыя ихъ внушили; онѣ были не только выше своего времени, но и нашего. Не можетъ быть сомнѣнія, что Императрица не видѣла работъ коммисіи и не слыхала о нихъ; иначе было бы невѣроятно, чтобы такая умная и энергическая Государыня, дѣйствительно желавшая просвѣщенія Россіи и обращавшаяся ко многимъ лицамъ и вдалекѣ за совѣтами по учебной части, не воспользовалась тѣмъ, что у нея было подъ рукою.

Академія Наукъ представила въ большое собраніе Коммисіи о составленіи уложенія «статьи, содержащія въ себѣ то, что сдѣлать надлежитъ прежде учрежденія училищъ» [1]). Академія пред-

[1]) Подписали: Г. В. Орловъ, Штелинъ, Леонгардъ Эйлеръ, Іванъ Фишеръ, Семенъ Котельниковъ, І. Албрехтъ Ейлеръ, Степанъ Румовскій, С. F. Wolff, Georgius Mauritius Lowitz, Joseph Gärtner, Алексѣй Протасовъ, Петръ Иноходцовъ. См. Архивъ II Отдѣленія собственной Его Величества Канцеляріи.

лагала учредить особое учебное вѣдомство, которе находилось бы въ собственномъ вѣдѣніи Государя, ни отъ кого не зависѣло и не давало бы никому, кромѣ Государя, никакого отчета. Это вѣдомство, или «Правительство», состоитъ изъ девяти лицъ, изъ коихъ три изъ «знатныхъ просвѣщенныхъ любителей наукъ», а остальные изъ ученыхъ; по выбытіи кого-либо изъ членовъ, выбирать трехъ кандидатовъ, и представлять Императрицѣ объ утвержденіи одного изъ нихъ. Оно должно было завѣдывать всѣми учебными заведеніями низшими, средними и высшими, безъ исключенія, представить общій планъ учрежденія учебныхъ заведеній, и составить для нихъ уставы. Члены этого «правительства» должны были поперемѣнно объѣзжать учебныя заведенія и осматривать ихъ.

Эти весьма дѣльныя предположенія Академіи оживили бы учебное дѣло, придали бы ему энергію и единство дѣйствій. Училищная коммисія не сознавала важности центральнаго учебнаго управленія, и полагала подчинить училища всеправящему Сенату [1]).

Планъ устройства учебной части въ Россіи, предложенный Дидро.

Въ бытность Дидро въ Петербургѣ, Императрица, въ частыхъ съ нимъ бесѣдахъ, не разъ касалась вопросовъ народнаго образованія и просила его изложить свои мысли о томъ, какъ бы можно было наилучше устроить въ Россіи училища различныхъ степеней.

По возвращеніи въ Парижъ, Дидро исполнилъ порученіе Императрицы, и въ 1775 году прислалъ ей «планъ университета для русскаго правительства, или проектъ народнаго образованія

[1]) Дневная записка 3-го августа 1770-го года: «Обще господа члены разсуждали какое учредить главное правленіе надъ училищами, и, разсуждая, положили, чтобы особливаго правленія не дѣлать, а подчинить оныя Правительствующему Сенату».

во всѣхъ наукахъ». Университетъ принятъ здѣсь во французскомъ смыслѣ этого слова, то есть какъ совокупность разныхъ учебныхъ заведеній, въ родѣ нашего учебнаго округа. Подъ именемъ университета Дидро разумѣлъ начальную школу, на которой, впрочемъ, не останавливался, среднее учебное заведеніе, дополнительный въ немъ, или переходный къ университету курсъ, и особенно университетъ, организація котораго, какъ сейчасъ увидимъ, не представляла рѣзкихъ особенностей противъ устройства европейскихъ университетовъ того времени.

Оригинальность, можно сказать, эксцентричность проекта Дидро заключалась въ учебномъ планѣ предполагавшагося имъ средняго учебнаго заведенія, которымъ замѣнялась гимназія. По его мысли, оно должно было состоять изъ восьми классовъ, и первые пять лѣтъ ученія посвящались бы исключительно наукамъ математическимъ и естественнымъ; ни одна словесная наука не допускалась въ курсъ этихъ классовъ. Такимъ образомъ, естественное развитіе учениковъ направлялось на путь пространства, величины и количества, этихъ основъ математики; всѣ остальныя функціи ума оставались не затронутыми; воображеніе, вкусъ, чувство изящнаго, воля, однимъ словомъ, всѣ нравственныя качества человѣка, составляющія его нравственную природу, какъ бы не признавались, и не получали ни пищи, ни удовлетворенія; для нихъ не отведено въ планѣ Дидро вовсе мѣста. Если бы такой учебный планъ былъ примѣненъ, ученики получили бы, конечно, самое неправильное умственное развитіе.

Но и въ этомъ узкомъ направленіи, учащіеся не могли бы идти успѣшно, по несоотвѣтственности учебныхъ требованій съ ихъ возрастомъ и силами. Для поступленія въ такое среднее учебное заведеніе, дѣти должны были только умѣть читать, писать и знать цифры, а съ перваго же года имъ преподавали бы уже, кромѣ ариѳметики, алгебру, съ теоріею вѣроятностей, и геометрію. Во второмъ классѣ 9-ти 10-ти лѣтніе мальчики должны были проходить физику, механику и гидравлику; въ третьемъ — систему мірозданія, астрономію; въ четвертомъ — естественную

исторію и экспериментальную физику; въ пятомъ—химію и анатомію. Одолѣть всѣ эти науки, усвоить ихъ себѣ конечно не по силамъ 14—15-ти лѣтнему мальчику; не развить его могли бы онѣ, а забить въ немъ всякія умственныя способности, сдѣлать изъ него нравственно какого-то урода.

Словесныя науки допускаются Дидро только съ шестаго класса, гдѣ онѣ представляются: логикою, *критикою* и общею грамматикою (la grammaire générale et raisonnée) Языки отечественный и славянскій удалены на седьмой годъ ученія; до тѣхъ же поръ русскія дѣти не обязывались знать своего языка. Иностранные языки не полагались вовсе. Наконецъ, только на послѣднемъ, восьмомъ году ученія, и только на одинъ годъ, появляются языки латинскій и греческій, вмѣстѣ съ краснорѣчіемъ и поэзіею. И такъ 17—18-ти лѣтній юноша принимался бы за азбуку древнихъ языковъ, легко понять съ какою готовностію изучить ихъ, и въ одинъ годъ пройти объ ихъ грамматики и литературы, и при томъ такъ, чтобы могли сознательно оцѣнить достоинства древнихъ писателей (этого именно требуетъ Дидро).

Въ дополнительномъ, или второмъ курсѣ, преподавались бы, по проекту Дидро, въ первый годъ, главныя основанія метафизики и религія, съ объясненіемъ двухъ естествъ Спасителя и существованія Божія. Впрочемъ, эти религіозные предметы вмѣщались въ курсъ только по снисходительности къ Императрицѣ, какъ уступка ея мнѣнію. «Ваше Величество», писалъ Дидро, «не раздѣляете взгляда Байля, который полагаетъ, что гражданское общество атеистовъ можетъ быть устроено также хорошо, какъ общество деистовъ, во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ сборище изувѣровъ. Вы не думаете, какъ Плутархъ, что религіозный фанатизмъ болѣе опасенъ по своимъ послѣдствіямъ и болѣе оскорбляетъ божество, чѣмъ безвѣріе. Вы не называете религію, вмѣстѣ съ Гоббесомъ, изувѣрствомъ, допущеннымъ законами, а изувѣрство—религіею, ими запрещаемой. Вы полагаете, что страхъ загробныхъ наказаній имѣетъ большое вліяніе на образъ дѣйствій людей, и что злодѣянія, не останавливаемыя висѣлицею,

могутъ быть остановлены боязнію отдаленнаго наказанія. Не смотря на неисчислимыя бѣдствія, которыя принесли человѣчеству религіозныя вѣрованія, не смотря на неудобства системы, подчиняющей народы духовнымъ лицамъ, всегда соперничающимъ съ государственною властію, системы, которая навязываетъ государямъ духовнаго главу и установляетъ законы болѣе твердые, болѣе священные, чѣмъ ихъ собственные, не смотря на все это, вы убѣждены, что сумма ежедневныхъ благъ, доставляемыхъ религіею всѣмъ слоямъ общества, превышаетъ сумму зла, производимаго въ народѣ религіозными сектами, а въ сношеніяхъ народовъ между собою религіозною нетерпимостію, этимъ трудно излѣчаемымъ умоизступленіемъ. И такъ, остается только сообразоваться съ Вашимъ взглядомъ при обученіи Вашихъ подданныхъ, и допустить, чтобы имъ объясняли два естества въ І. Христѣ, существованіе Божіе, безсмертіе души и будущую жизнь, но только какъ введеніе въ науку нравственности».

Во второмъ классѣ дополнительнаго курса полагались: исторія, географія, политическая экономія и домоводство, или домашнее хозяйство. При преподаваніи исторіи, Дидро проводитъ также своеобразный взглядъ. «Думаю», говоритъ онъ, «что изученіе исторіи нужно начать съ своего отечества, и при томъ такъ, чтобы, при изложеніи какъ отечественной исторіи, такъ и исторіи другихъ народовъ, начинать съ ближайшаго къ намъ времени, нисходя постепенно къ вѣкамъ побасёнокъ и миѳологіи. Таково мнѣніе Гроціуса. Вообще, говоритъ онъ, не слѣдуетъ начинать съ событій, давно минувшихъ, для насъ нелюбопытныхъ, но съ болѣе вѣрныхъ, близкихъ фактовъ, и идти отъ нихъ шагъ за шагомъ до начала временъ». Другими словами—преподавать исторію на выворотъ.

Дидро получилъ классическое образованіе. «Многіе годы», говоритъ онъ, «передъ сномъ, я также обязательно читалъ пѣснь Гомера, какъ священникъ—свой молитвенникъ. Съ юности я сосалъ молоко Гомера, Горація, Теренція, Анакреона, Платона и Еврипида, перемѣшанное съ млекомъ Моисея и пророковъ».

И къ какимъ же пришелъ онъ выводамъ? «Къ вопросу: кому дѣйствительно необходимы древніе языки? Почитаю себя въ правѣ отвѣчать на этотъ вопросъ: никому и развѣ только поэтамъ, ораторамъ, ученымъ и записнымъ литераторамъ, то-есть классу общества, наименѣе полезному». Но нѣсколько строкъ далѣе, онъ самъ себѣ противорѣчитъ, истина пробивается противъ его воли, незамѣтно для него самого. «Языкъ Гомера», пишетъ тотъ же врагъ классическаго образованія, «это языкъ поэзіи. Да извинится мнѣ тотъ слабый ѳиміамъ, который я сожигаю передъ статуею учителя, которому я обязанъ тѣмъ, что есть, если чего нибудь стою. Но когда я это почувствовалъ, воспользовался этимъ? Между двадцатью и двадцатью четырьмя годами моей жизни». Казалось бы, можно быть этимъ довольнымъ: плоды образованія сознаются обыкновенно не въ школѣ, а послѣ выхода изъ нея, въ жизни, и въ продолженіе всей жизни. Чѣмъ же думалъ замѣнить Дидро произведенія древнихъ писателей? Переводами ли ихъ на современныя нарѣчія, какъ проповѣдуютъ теперешніе реалисты? Нѣтъ! «Лучшіе переводы древнихъ авторовъ», весьма основательно замѣчаетъ онъ, «безцвѣтныя и безжизненныя копіи; судить о древнихъ по такимъ образцамъ, это все равно что судить Рафаеля или Тиціана по описаніямъ». Такое сознаніе идетъ въ разрѣзъ съ его утвержденіемъ о безполезности древнихъ языковъ, что едвали и было искренно съ его стороны.

Повидимому, при составленіи плана объ устройствѣ учебныхъ заведеній въ Россіи, онъ задался мыслію быть какъ можно оригинальнѣе, не походить на другихъ педагоговъ; онъ съ полнымъ правомъ сказалъ о себѣ: «я возстаю противъ системы образованія, освященной опытомъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ націй». Это не помѣшало ему, однако, совѣтовать Императрицѣ обратиться по этому предмету къ ученому филологу, профессору греческой и латинской словесности въ Лейпцигскомъ университетѣ Ернести (род. 1707 † 1781), извѣстному изданіемъ греческихъ и латинскихъ классиковъ, съ своими коментаріями. Конечно, Ернести не предложилъ бы такого безобразнаго учебнаго плана. Онъ

принадлежитъ всецѣло Дидро, котораго можно почитать праотцемъ современныхъ ультра-реалистовъ; онъ довелъ эту систему до крайнихъ ея предѣловъ, до послѣдняго ея слова, до полной нелѣпости.

Явившись ненавистникомъ классическаго образованія, Дидро не допускаетъ, конечно, въ составѣ университета и философскаго факультета, основывающагося главнѣйше на языкахъ и литературахъ латинской и греческой, и въ организацію университетовъ включаетъ только три факультета: медицинскій, юридическій и богословскій, но этотъ послѣдній съ извѣстными предосторожностями невѣрующаго энциклопедиста. Болѣе всего опасался этотъ атеистъ вліянія римской церкви на греческую, и старался оградить отъ ея покушеній православіе, и потому предписывалъ: «не допускать ничего, что способствовало бы къ сближенію греческой церкви съ римскою; наука, быть можетъ, отъ того и выиграла бы, но это было бы опасно для государственнаго спокойствія. Безразсудно было бы дозволять, чтобы такое вліятельное въ государствѣ сословіе, какъ духовное, признавало, какимъ бы то ни было образомъ, иноземное главенство; это было бы источникомъ постояннаго разъединенія Церкви съ Сенатомъ (!!). Окончательное рѣшеніе спорныхъ духовныхъ дѣлъ должно принадлежать Государю; никакъ не допускать Собора внѣ предѣловъ имперіи, никакъ не терпѣть, чтобы предсѣдателемъ Собора былъ кто либо иной, кромѣ Государя». Дидро возлагалъ большія надежды въ этомъ направленіи православнаго богословія на архіепископа Платона. «Архіепископу Платону», говоритъ онъ, «предлежитъ разсмотрѣть эту сторону народнаго образованія; онъ долженъ согласовать ее съ обычаями, законами, нравами и потребностями русской имперіи, а за Ея Императорскимъ Величествомъ останется право исправленія всего того, что сословная ревность, тайно властвующая даже надъ самыми образованными и самыми благонамѣренными людьми, можетъ заставить архіепископа Платона предпріять вреднаго или опаснаго для государства». «Я не оставилъ бы священниковъ»,

говоритъ Дидро, «какъ представителей истины, не только какъ помѣху возможнымъ, еще болѣе чудовищнымъ заблужденіямъ, не какъ наставниковъ для здравомыслящихъ людей, но какъ стражей сумасшедшихъ; ихъ же церкви сохранилъ бы я какъ пріюты, или сумасшедшіе дома для извѣстнаго рода полоумныхъ, которые стали бы неистовствовать, если не обратить на нихъ вниманіе». Вотъ какъ понималъ Дидро церковь, духовенство и духовную науку, и на какой путь предлагалъ обратить православіе!

Въ медицинскомъ факультетѣ Дидро указалъ на дѣйствительно слабую сторону преподаванія наукъ во всѣхъ почти европейскихъ университетахъ въ XVIII столѣтіи, именно на недостатокъ учебныхъ пособій и медицинской практики; справедливо замѣчалъ онъ, что «молодой врачъ производитъ первые свои опыты на насъ, и дѣлается впослѣдствіи искуснымъ медикомъ, только послѣ произведенныхъ имъ нѣсколькихъ убійствъ». Въ это время клиническихъ каѳедръ не существовало во французскихъ университетахъ. Дидро совѣтовалъ завести въ медицинскихъ факультетахъ анатомическіе театры, гдѣ бы профессоръ хирургіи, въ продолженіе всей зимы, читалъ лекціи надъ трупами, и устроить, подлѣ университетовъ, госпитали, съ двумя покоями, изъ 25-ти кроватей каждый, одинъ для острыхъ болѣзней, другой для хроническихъ, гдѣ студенты упражнялись бы практически, одинъ годъ надъ острыми болѣзнями, другой— надъ хроническими. Продолжительность курса на медицинскомъ факультетѣ Дидро полагалъ въ семь лѣтъ.

Курсъ юридическаго факультета онъ назначалъ четырехлѣтній, и вводилъ въ этотъ факультетъ каѳедру гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, что было новостью для большинства тогдашнихъ университетовъ.

Въ проектѣ Дидро объ университетахъ встрѣчаемъ и нѣкоторыя другія дѣльныя мысли. Онъ находилъ, напримѣръ, полезнымъ учреждать университеты въ небольшихъ городахъ, которые получали бы матеріальныя выгоды отъ жительства въ

нихъ молодежи, а не въ столицахъ и не въ обширныхъ торговыхъ портовыхъ городахъ, потому что въ столицѣ присутствіе государя все поглощаетъ, а многолюдство и движеніе въ такихъ городахъ доставляютъ молодымъ людямъ слишкомъ много развлеченій. Онъ находилъ полезнымъ ввести гонорарій, который вносили бы студенты своимъ профессорамъ по семестрамъ: «даровое обученіе», прибавляетъ онъ, «испортило нашихъ профессоровъ; въ самомъ дѣлѣ, какое имъ дѣло, много или мало у нихъ слушателей, хорошо или дурно исполняютъ они свою обязанность? Труда имъ меньше, а вознагражденіе то же. Другое удобство этого маленькаго взноса со стороны студентовъ заключалось бы въ томъ, что такою мѣрою уменьшилось бы ихъ число, а оно всегда будетъ слишкомъ велико, каковы бы ни были въ будущемъ обстоятельства и положеніе государства. Легкость поступленія въ учебныя заведенія, самолюбіе родителей, ихъ скупость, наклоняющая ихъ избирать такую подготовку дѣтей, которая ничего не стоитъ, вытягиваютъ множество дѣтей изъ сословія ихъ родителей, большіе торговые дома угасаютъ, значительныя фабрики упадаютъ или ухудшаются, промышленность сокращается, и для чего? для того, чтобы выдѣлать одного ученаго доктора».

Дидро находилъ нужнымъ, чтобы правительство удостовѣрялось объ успѣхахъ студентовъ на экзаменахъ, чтобы даже сама Императрица присутствовала на переводныхъ испытаніяхъ, что, конечно, немыслимо и невозможно, и чтобы на этихъ экзаменахъ были депутаты или представители отъ Сената. «Когда тѣ же самыя лица», говорилъ Дидро, «которыя преподаютъ, выдаютъ также и свидѣтельства, удостовѣряющія о способности получающихъ ихъ занимать мѣста на государственной службѣ и въ судахъ, когда въ ихъ волѣ расточать удостовѣренія объ учености и разные дипломы, они недостаточно заботятся о преподаваніи». Независимо отъ экзаменовъ внутри университетовъ, Дидро полагалъ необходимымъ, чтобы поступающіе на службу выдерживали особый экзаменъ въ коммисіи, со-

ставленной изъ лицъ того вѣдомства, къ которому они желаютъ быть причисленными [1]).

Посылая этотъ учебный проектъ Императрицѣ, Дидро писалъ ей, что ему представляются два рода затрудненій для его исполненія—недостатокъ учебныхъ руководствъ и неимѣніе преподавателей, но что эти кажущіяся препятствія легко преодолѣть, поручивъ членамъ Петербургской Академіи Наукъ и другимъ европейскимъ ученымъ составленіе этихъ руководствъ, а какъ скоро они будутъ готовы и переведены на русскій языкъ, то не потребуется уже болѣе вызывать въ Россію, для занятія профессорскихъ и учительскихъ должностей, ученыхъ иностранцевъ; тогда они найдутся и между русскими: всякій понимающій что написано въ учебникѣ въ состояніи преподавать по оному дѣтямъ, по мнѣнію Дидро. Нужно сознаться, что такой способъ преподаванія чрезъ учителей-автоматовъ столь же оригиналенъ, какъ и устройство его своеобразной гимназіи [2]).

Получивъ проектъ Дидро, Императрица писала Гримму, что займется имъ тогда, когда дойдетъ очередь до учрежденія въ Россіи университетовъ [3]), положила этотъ проектъ въ свой портфель, и никогда его оттуда не вынимала; это самое лучшее употребленіе, которое она могла изъ него сдѣлать.

Инструкція Императрицы Н. И. Салтыкову о воспитаніи Великихъ Князей.

13-го марта 1784 года Императрица дала Н. И. Салтыкову, назначенному воспитателемъ Великихъ Князей Александра и Константина Павловичей, «инструкцію» и «наставленіе», какъ

---

[1]) Oeuvres complètes de Diderot, par Assézat. Tome troisième. Paris. 1875.

[2]) Sept lettres de Diderot à l'Impératrice Catherine II, publiées sous les auspices de la Société Impériale pour l'histoire de Russie, par J. Grot. 33 Томъ. СПб. 1881. стр. 24—26.

[3]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ 23, стр. 38, 42.

ихъ воспитывать. Въ этихъ педагогическихъ трактатахъ, ею самою написанныхъ, изложены весьма просвѣщенные взгляды на воспитаніе физическое и нравственное, а также набросанъ, въ общихъ чертахъ, и курсъ ученія, заслуживающій вниманіе. Въ самомъ изложеніи наставленія можно указать на тотъ недостатокъ, что въ немъ перемѣшаны различные возрасты воспитывающихся, хотя въ указѣ Салтыкову они, какъ и слѣдуетъ, раздѣлены; оттого всѣ правила отнесены безразлично ко всѣмъ возрастамъ, что̀, конечно, не сообразно.

Въ прошломъ столѣтіи педагогическія сочиненія Локка продолжали пользоваться въ обществѣ большимъ вліяніемъ; въ 1760 году они были переведены на русскій языкъ [1]), и потому весьма естественно, что Императрица ими пользовалась и во многомъ имъ слѣдовала.

Локкъ былъ замѣчательнымъ педагогомъ XVII вѣка (род. 1632, умеръ 1704 года), и притомъ не теоретическимъ только, но практическимъ педагогомъ, что̀ именно и придаетъ особую цѣнность его наставленіямъ о воспитаніи, возвышающуюся преимущественно еще тѣмъ, что они исходили отъ глубокомысленнаго философа и отъ ученаго, прошедшаго курсъ медицинскихъ наукъ; такимъ образомъ отъ него можно было ожидать изученія дѣтскаго возраста во всѣхъ отношеніяхъ. Окончивъ курсъ въ Оксфордскомъ университетѣ, Локкъ поступилъ въ 1667 году въ семейство лорда Ашлея воспитателемъ третьяго его сына, впослѣдствіи лорда Шефтсбюри; съ 1677 года онъ занимался, въ продолженіе двухъ лѣтъ, воспитаніемъ сына богатаго купца Банкса; впослѣдствіи воспитывалъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, сына своего воспитанника, лорда Шефтсбюри, съ 9-ти до 12-ти лѣтняго его возраста. Письма о воспитаніи написаны имъ были въ Голландіи, гдѣ онъ скрывался отъ пре-

---

[1]) Іоанна Локка о воспитаніи дѣтей. Перевелъ съ французскаго профессоръ Николай Поповскій,. Москва. 1760. Вторымъ изданіемъ вышло въ Москвѣ въ 1788 г.

слѣдованій своего правительства, и изданы въ 1693 году, съ посвященіемъ его пріятелю Эдуарду Кларку. Служа потомъ въ министерствѣ торговли, онъ представилъ проектъ учрежденія ремесленныхъ школъ для рабочаго населенія, извѣстныхъ подъ именемъ «working schools».

Императрица заимствовала у Локка, какъ видно изъ приложенныхъ здѣсь выписокъ [1]), много мыслей и педагогическихъ правилъ, иногда даже буквально переведенныхъ изъ его сочиненія; но нерѣдко она ихъ развивала и дополняла. Притомъ же, эти заимствованія относились лишь до физическаго и нравственнаго воспитанія дѣтей, да и тутъ она не всегда сходилась въ мысляхъ съ этимъ педагогомъ; такъ напримѣръ, Локкъ совѣтуетъ употреблять, для исправленія дѣтей, побои и вообще тѣлесныя наказанія, Императрица же допускаетъ только одни нравственныя средства, какъ-то: вразумленіе, пристыживаніе и главное—донесеніе о дурныхъ поступкахъ Бабушкѣ, которой они обязаны были безусловнымъ повиновеніемъ. Въ наставленіи сказано: «поваживать воспитанниковъ къ непрекословному послушанію Намъ и Императорской Нашей власти. Да будетъ то, что Бабушка приказала, непрекословно исполнено; что запретила, того отнюдь не дѣлать, и чтобъ имъ казалось столько же трудно то нарушить, какъ перемѣнить погоду по ихъ хотѣнію».

По учебной части Екатерина не взяла ничего изъ Локка; всѣ правила по ней составлены ею самостоятельно, и, нужно сказать, взгляды Императрицы на планъ ученія основательнѣе оригинальныхъ, но не всегда вѣрныхъ воззрѣній анлійскаго мыслителя. Не своеобразная ли, напримѣръ, странность изгонять вовсе изъ преподаванія грамматику всѣхъ иностранныхъ языковъ, какъ совѣтуетъ Локкъ? Вся методика преподаванія различныхъ предметовъ, подробно изложенная Локкомъ, опущена Императрицею. Было и болѣе существенное съ нимъ раз-

[1]) См. приложеніе.

личіе въ ея взглядахъ: Локкъ видитъ въ древнихъ языкахъ одно лишь утилитарное ихъ значеніе, смотря по сословію, къ которому воспитанникъ принадлежитъ, и вовсе вычеркиваетъ изъ плана ученія греческій языкъ, предоставляя изученіе его волѣ желающихъ. Напротивъ того, по мнѣнію Императрицы, греческій языкъ долженъ почитаться главнѣйшимъ «изъ тѣхъ языковъ, кои ихъ Высочествамъ полезны быть могутъ, ибо посредствомъ его могутъ они пріобрѣсть многое знаніе. Сверхъ великаго числа писателей, коихъ красота въ переводахъ потеряна, не столько отъ неискуства переводчиковъ, сколько слабостію и недостаткомъ другихъ языковъ, сей имѣетъ преимущество предъ другими столько же своею пріятною гармоніею и игрою мыслей, сколько и изобиліемъ. Техническія его слова, къ наукамъ и художествамъ принадлежащія, означаютъ существо самой вещи и приняты во всѣ другіе языки». Нельзя объяснять выдающееся педагогическое значеніе, данное Императрицею греческому языку, тѣмъ, что она имѣла въ виду для втораго своего внука престолъ греческой имперіи, которую думала возможнымъ возстановить, ибо она находила древній греческій языкъ необходимымъ для обоихъ своихъ внуковъ; объ обученіи же новому греческому языку Великаго Князя Константина Павловича она даетъ особое указаніе, выраженное въ словахъ: «со старшимъ питомцемъ англичанамъ говорить по англійски, а съ младшимъ грекамъ говорить по гречески».

Кромѣ того, взглядъ Императрицы и тѣмъ различается отъ воззрѣній Локка, что ея наставленіе о воспитаніи примѣнено къ высокому положенію двухъ воспитанниковъ, къ ихъ національности и будущему призванію. Такимъ образомъ, ученіе географіи должно было начинаться съ географіи Россіи; когда слѣдовало приступить къ изученію наукъ юридическихъ и политическихъ, то, вмѣсто предлагаемыхъ Локкомъ сочиненій Гроціуса «De jure belli et pacis» и Пуффендорфа «De jure naturali et gentium», Великимъ Князьямъ должно было объяснить Наказъ Коммисіи уложенія и учрежденія для управленія губер-

ній, составленные Императрицею, и излагать русскіе гражданскіе законы, ибо, какъ сказано въ наставленіи, «не знавъ оныхъ, и порядка, коимъ правится Россія, знать не могутъ». Съ 11-ти до 15-ти лѣтъ Великіе Князья должны были посвящать нѣсколько часовъ въ день на изученіе Россіи. «Сіе знаніе столь важно для Ихъ Высочествъ и для самой имперіи, что спознаніе оной главнѣйшую часть знанія дѣтей занимать должно. Карта всея Россіи, и особо каждой губерніи съ описаніемъ, каковы присланы отъ генералъ-губернаторовъ, къ тому служить могутъ, чтобъ знать слой земли, произрастенія, животныхъ, торги, промыслы и рукодѣлія; также рисунки и виды знаменитыхъ мѣстъ, теченіе рѣкъ судоходныхъ, съ назначеніемъ береговъ, гдѣ высоки, гдѣ поемны, большія и проселочныя дороги, города и крѣпости и строенія знаменитыя, описаніе народовъ, въ каждой губерніи живущихъ, одежду и нравы ихъ, обычаи, веселія, вѣры, законы и языки». О преподаваніи русской исторіи сказано: «исторію россійскую имъ знать нужно и для нихъ сочиняется», какъ извѣстно, самою Императрицею. Наконецъ, они должны были изучать военныя науки и военное хозяйство.

Думаютъ, что Императрица, составляя свое наставленіе о воспитаніи, не только дѣлала заимствованія изъ Локка, но и пользовалась для этого сочиненіями Монтеня [1]). Съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться. Монтень (род. 1533, умеръ 1592) былъ не педагогъ, а своеобразный философъ, въ полномъ смыслѣ слова вскормленный древностію (ребенкомъ научился онъ говорить по латыни, прежде чѣмъ зналъ слово по французски); на каждой страницѣ его сочиненій, чисто философическаго содержанія, находимъ или выписки изъ греческихъ и латинскихъ авторозъ, или подлинныя изъ нихъ цитаты. Никогда не занимался онъ спеціально педагогіею, и касался вопросовъ о воспитаніи лишь мимоходомъ; онъ не могъ ихъ обойти, потому что почти не было общеполез-

---

[1]) Николая Лавровскаго, *О педагогическомъ значеніи Екатерины Великой.* Харьковъ. 1856 года.

наго предмета, о которомъ онъ не говорилъ бы въ своихъ сочиненіяхъ, и когда приходилось ему разсуждать о воспитаніи дѣтей, то высказывалъ о немъ, какъ почти обо всемъ, не только здравыя, но и глубокія для его времени понятія, но, повторяемъ, лишь вскользь, лишь между прочимъ; въ его сочиненіяхъ находимъ только одно письмо къ графинѣ Гюрзонъ о воспитаніи дѣтей [1]), и изрѣдка, кое гдѣ разсѣянныя о томъ мысли, не заключающія впрочемъ въ себѣ ничего выдающагося. Прежде всего, Монтень былъ наиоригинальнѣйшій философъ, и если кто подражалъ ему, то конечно не Екатерина, а скорѣе Руссо въ его Confessions: за два вѣка до Руссо, Монтень написалъ своего рода исповѣдь, разбросанную по всему его сочиненію, не только съ такою же откровенностію, но и съ такимъ же, какъ у Руссо, цинизмомъ.

Достойно примѣчанія, что инструкція и наставленіе, подписанныя Императрицею 13 марта 1784 года, явились вскорѣ послѣ открытія Коммисіи объ учрежденіи училищъ. Весьма возможно, что педагогическія убѣжденія нѣкоторыхъ членовъ этой Коммисіи имѣли вліяніе на взгляды Императрицы относительно воспитанія дѣтей, а, быть можетъ, и дали ей мысль объ этомъ трудѣ. Что занятія Коммисіи не были ею при этомъ забыты, видно, между прочимъ, изъ того, что она указываетъ, для преподаванія закона Божія Великимъ Князьямъ, на катихизисъ, составленный Янковскимъ и одобренный Коммисіею: «для народныхъ школъ сочиненный катихизисъ тутъ весьма полезенъ быть можетъ, ибо составленъ какъ удобенъ быть можетъ для дѣтей».

---

[1]) Essais de Michel de Montaigne. Paris. 1865. 4 volumes. Въ первомъ томѣ, на стр. 186—239 помѣщено «Lettre à madame Diane de Foix, comtesse de Gurso».

Обобщеніе учебной части на всю имперію относится къ 1782 году, когда стала дѣйствовать, подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго, Коммисія объ учрежденіи училищъ, создавшая городскія училища во многихъ городахъ. Лишь съ этого времени начинается, собственно говоря, исторія просвѣщенія Россіи; до тѣхъ же поръ были одни къ тому попытки, которыя и представлены вкратцѣ въ предыдущемъ изложеніи.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

—o—

Инструкція, данная 13 марта 1784 года Императрицею Екатериною II Н. И. Салтыкову, при назначеніи его къ воспитанію Великихъ Князей. (Сочиненія Императрицы Екатерины II. Изданіе Смирдина 1849 г. Томъ I).

Да будетъ одежда Ихъ Высочествъ лѣтомъ и зимою не слишкомъ теплая, не тяжелая, не перевязанная, не гнетущая наипаче грудь (стр. 203).

Пища и питіе да будутъ простыя и просто заготовленныя (стр. 203).

Буде кушать захотятъ между обѣда и ужина, давать имъ кусокъ хлѣба (стр. 203).

Запрещается имъ давать вина инако, какъ развѣ по докторскому предписанію (стр. 203).

Чтобы не пили холоднаго вспотѣвши, или когда разгорячены, и,

Сочиненіе Локка: **Some thoughts concerning education.** Cambridge, 1880.

The first thing to be taken care of, is, that children be not too warmly clad or covered, winter or summer (стр. 2). Your son's clothes be never made strait, especially about the breast (стр. 8).

As for his diet, it ought to be simple (стр. 9).

If he at any time calls for victuals between meals, use him to nothing but dry bread. (стр. 10). And if betwixt these, which I call meals, he will eat, let him have, as often as he calls for it, good dry bread (стр. 11).

They ought never to drink any strong liquor, but when they need it as a cordial, and the doctor prescribes it (стр. 13).

If he be very hot, he should by no means drink; at least a good piece of

вспотѣвши, не пили инако, какъ скушавъ напередъ кусокъ хлѣба.

Чтобъ какъ возможно Ихъ Высочества лѣтомъ и зимою чаще были на вольномъ воздухѣ, когда сіе не можетъ вредить ихъ здоровью. Зимою же колико возможно рѣже быть имъ возлѣ огня.

Чтобъ лѣтомъ играли на свѣжемъ воздухѣ, на солнцѣ, на вѣтру. На огаръ лица и рукъ отъ солнца не смотрѣть (стр. 204).

Вспотѣвши, не ложиться на мокрой травѣ (стр. 204).

Поважывать ихъ, чтобъ часто ноги мыли въ холодной водѣ.... Сіе, начавъ съ весны или лѣтомъ, и продолжая во всякое время года, предупредитъ многія простуды (стр. 205).

bread first to be eaten.... Not being permitted to drink without eating (стр. 12).

Another thing, that is of great advantage to every one's health, but especially children's, is, to be much in the open air, and very little, as may be, by the fire, even in winter (стр. 6).

If I should advise him to play in the wind and sun without a hat, I doubt whether it could be born. Yet I will take the liberty to say, that the more they are in the air, without prejudice to their faces, the stronger and healthier they will be (стр. 7).

Playing in the open air has but this one danger in it, that I know: and that is, that when he is hot with running up and down, he should sit or lie down on the cold or moist earth (стр. 7).

I would also advise his feet to be washed every day in cold water..... And he that considers how mischievous and mortal a thing, taking wet in the feet is, to those who have been bred nicely, will wish he had, with the poor people's children, gone barefoot; who, by that means, come to be so reconciled by custom, to wet their feet, that they take no more cold or harm by it, than if they were wet in their hands (стр. 4). But begin first in the spring with luke-warm, and so colder and colder every time, till in a few days you come to perfectly cold water, and then continue it so, winter and summer (стр. 5).

Чтобъ Ихъ Высочества спали не мягко, но на тюфякахъ, какъ привыкли, а отнюдь не на перинахъ (стр. 205).

Спать имъ, чтобъ ночью голова не была покрыта или закутана (стр. 205).

Когда ихъ будить нужно, тогда оное чинить не вдругъ, но съ осторожностію, дабы не испугались, кликая ихъ по имени не громко (стр. 206).

Не запрещать имъ играть сколько хотятъ, лишь бы въ игру не входило имъ самимъ, или жизнь имѣющему, вредное (стр. 206).

Колико возможно рѣже приступать къ употребленію имъ лекарства, и отнюдь не давать имъ лекарства, аки ради осторожности, и будто для упрежденія болѣзни тогда, когда здоровы; словомъ, вовсе не давать имъ лекарства безъ крайней нужды. Употребленіе лекарствъ не ко времени дѣтямъ болѣе притягать можетъ болѣзни, нежели отвращать оныя (стр. 207).

Въ случаѣ дѣйствительной болѣзни, и когда легчайшіе способы не предуспѣли, тогда уже совѣтъ врача потребовать полезно быть можетъ (стр. 208).

Буде единожды приставники дѣтямъ отказали въ чемъ, то чтобъ крикомъ и плачемъ не могли выпросить (стр. 211).

Let his bed be hard, and rather quilts than feathers (стр. 16).

It is best that by night a child should also lie without one (a cap) (стр. 3).

But great care should be taken in waking them (the children), that it be not done hastily, nor with a loud or shrill voice, or any other sudden violent noise (стр. 16).

It must be permitted children not only to divert themselves, but to do it after their own fashion, provided it be innocently, and without prejudice to their health (стр. 87).

Perhaps it will be expected from me, that I should give some directions of physic, to prevent diseases: for which, I have only this one, very sacredly to be observed: never to give children any physic for prevention. Have a great care of tampering that way, lest, instead of preventing, you draw on diseases. Nor even upon every little indisposition is physic to be given, or the physician to be called to children (стр. 19).

When such a gentle treatment will not stop the growing mischief, nor hinder it from turning into a formed disease, it will be time to seek the advice of some sober and discreet physician (стр. 20).

This ought to be observed as an inviolable maxim, that whatever once is denyed them, they are certainly not to obtain by crying or importunity (стр. 26).

Не допускать Ихъ Высочества до того, чтобъ мучили или убивали невинныхъ животныхъ, какъ то: птицъ, бабочекъ, мухъ, собакъ, кошекъ, или иное подобное, или портили что умышленно (стр. 214).

Буде кто изъ нихъ солжетъ, то первый разъ оказать о томъ удивленіе, какъ о поступкѣ странномъ, неожиданномъ, неслыханномъ и неприличномъ. Буде же паки найденъ будетъ во лжи, то чинить ему выговоръ и смотрѣть на него и обходиться съ нимъ холодно и съ презрѣніемъ всѣмъ тѣмъ, кои о томъ знаютъ. Буде, паче чаянія, не уймется, то почесть ложь за упрямство; упрямство же влечетъ за собою наказаніе (стр. 215).

Отдалять надлежитъ отъ глазъ и слуха въ младенчествѣ и отъ отроковъ въ первые годы все то, что мысли устращать можетъ, какъ то: всякія пугалища, душу и умъ утѣсняющія, которыми обыкновенно дѣтей стращаютъ, и отъ коихъ дѣлаются они робки, такъ что не могутъ остаться одни, боятся своей

One thing I have frequently observed in children, that, when they have got possession of any poor creature, they are apt to use it ill; they often torment and treat very roughly young birds, butterflies, and such other poor animals, which fall into their hands, and that with a seeming kind of pleasure. This, I think, should be watched in them; and if they incline to any such cruelty, they should be tought the contrary usage (стр. 100).

When he is first found in a lie, or any ill-natured trick, the first remedy should be to talk to him of it as a strange monstruous matter, that it could not be imagined he would have done, and so shame him out of it (стр. 64). If that keeps him not from relapsing, the next time he must be sharply rebuked, and fall into the state of great displeasure of his father and mother, and all about him, who take notice of it. And if this way work not the cure, you must come to blows; for, after he has been thus warned, a premeditated lie must always be looked upon as obstinacy, and never be permitted to escape unpunished (стр. 114).

The first step to get this noble and manly steadiness, is, what I have above mentioned, carefully to keep children from frights of all kinds, when they are young. Let not any fearful apprehensions be talked into them, nor terrible objects surprise them (стр. 96). If children were let alone, they would be no more afraid in the dark,

тѣни, или дрожать въ темнотѣ. Всѣ таковыя пугалища и въ рѣчахъ употреблять не надлежитъ (стр. 217).

than in broad sun-shine; they would in their turns as much welcome the one for sleep, as the other to play in: there should be no distinction made to them, by any discourse, of more danger, or terrible things in the one than the other. But, if the folly of any one about them should do them this harm, and make them think there is any difference between being in the dark and winking, you must get it out of their minds as soon as you can (стр. 118).

Учтивость много зависитъ отъ ловкости и благопристойности, которая замыкается и соединяется во взглядѣ, голосѣ, словахъ, поступкѣ, движеніи, обращеніи человѣка, почему пріятно съ нимъ обходиться, и обхожденіемъ тѣмъ онъ дѣлаетъ то, что другіе имъ довольны (стр. 218—219).

From the one, men are called civil; from the other, well-fashioned. The latter of these is that decency and gracefulness of looks, voice, words, motions, gestures, and of all the whole outward demeanour, which takes in company, and makes those with whom we may converse, easy and well-pleased (стр. 121).

Четыре вещи суть совершенно противны учтивости:

I shall take notice of four qualities that are most directly opposite to this first and most taking of all the social virtues. And from some one of these four it is, that incivility commonly has its rise. I shall set them down, that children may be preserved or recovered from their ill influence.

1. Природная грубость та, которая безъ снисхожденія къ другимъ людямъ не смотритъ ни на склонности, ни на сложеніе, ни на состояніе человѣка. Неучтивый человѣкъ не смотритъ на то, что другимъ, которые съ нимъ, нравится или не нравится.

1. The first is a naturel roughness, which makes a man uncomplaisant to others, so that he has no deference for their inclinations, tempers, or conditions. It is the sure badge of a clown, not to mind what pleases or displeases those he is with; and yet one may often find a man, in fashionable clothes, give an unbounded swing to

his own humour, and suffer it to justle or over-run any one that stands in its way, with a perfect indifferency how they take it.

2. Пренебреженіе къ людямъ, непочтеніе, которое оказывается взглядами, словами, поступками и движеніями.

2. Contempt, or want of due respect, discovered either in looks, words, or gesture.

3. Осужденіе словами и насмѣшкою поступковъ ближняго, умышленные споры и непрерывное противорѣчіе.

3. Censoriousness, and finding fault with others, has a direct opposition to civility.

4. Нравъ, занимающійся мелкостями, который находитъ въ оныхъ всегда что ни есть, къ чему привязаться, осуждать и пересужать; также и лишняя учтивость несносна въ обществѣ (стр. 219—220).

4. Raillery is the most refined way of exposing the faults of others (стр. 121—122).

Буде въ дѣтяхъ свободность духа не будетъ угнетаема приставниками, то отъ игры къ ученію приступать они будутъ столь же охотно, какъ къ игрѣ. Когда учиться будутъ непринужденно, но добровольно, тогда такожде охотно учиться будутъ, какъ играть. Не принуждая Ихъ Высочествъ къ ученію, сами просить будутъ, и приходить къ ученію, какъ къ игрушкамъ (стр. 224).

Whereas, were matters ordered right, learning any thing they should be taught, might be made as much a recreation to their play, as their play is to their learning (стр. 53). Get them but to ask their tutor to teach them, as they do often their playfellows, instead of his calling upon them to learn; and they being satisfied that they act as freely in this, as they do in other things, they will go on with as much pleasure in it, and it will not differ from their other sports and play (стр. 54).

Виршамъ и музыкѣ учить не для чего; тѣмъ и другимъ много времени теряется, дабы достигнуть искуства (стр. 228).

It (music) wastes so much of a young man's time, to gain but a moderate skill in it..... that many think it much better spared: and I have, amongst men of parts and business, so seldom heard any one commended or esteemed for having an excellency

Склонность всякаго человѣка почти влечетъ его къ какому ни есть дѣлу, или ремеслу. Буде Ихъ Высочества окажутъ охоту точить, или къ иному рукодѣлію, или ремеслу, то отъ онаго ихъ не отвращать, черезъ что отъ праздности отвращены будутъ и время займется, питая въ Ихъ Высочествахъ добрую волю, свободность духа, веселость нрава и прилежаніе (стр. 229).

О вещахъ сверхъ понятія ихъ, о коихъ спросятъ, сказать надлежитъ, что со временемъ свѣдаютъ, или что то не по ихъ лѣтамъ (стр. 237).

Буде кто изъ дѣтей извиняется, тогда смотрѣть, говоритъ ли правду, или закрываетъ вину ложью. Буде вину ложью закрываетъ, тогда уговаривать его тихо къ сказанію истины. Буде же не скажетъ, то стыдить его. Буде же скажетъ правду и неправды не усмотрится, тогда, ради чистосердечія, простить ему вину

in music, that amongst all those things, that ever came into the list of accomplishments, I think I may give it the last place (стр. 174).

The busy inclination of children being always to be directed to something that may be useful to them, the advantages proposed from what they are set about may be considered of two kinds: 1. Where the skill itself, that is got by exercise, is worth the having. Thus skill not only in languages and learned sciences, but in painting, turning, gardening, tempering and working in iron, and all other usefull arts, is worth the having. 2. Where the exercise itself, without any consideration, is necessary or usefull for health (стр. 177). To the arts above mentioned may be added perfuming, varnishing, graving and several sorts of working in iron, brass and silver (стр. 182).

If by chance their curiosity leads them to ask what they should not know, it is a great deal better to tell them plainly, that it is a thing that belongs not to them to know, than to pop them off with a falshood, or a frivolous answer (стр. 106).

If therefore, when a child is questioned for any thing, his first answer be an excuse, warn him soberly to tell the truth; and then, if he persists to shuffle it off with a falshood, he must be chastised; but, if he directly confess, you must commend his ingenuity, and pardon the fault, be it what it will; and pardon it so, that

и о томъ, что прощено, уже не упоминать (стр. 240).

Полезно будетъ дѣтямъ вдругъ не давать болѣе одной вещи, и когда захотятъ имѣть другую, тогда отбирать первую. Послѣ семи лѣтъ буде захотятъ новыхъ игрушекъ, то пускай сами сдѣлаютъ, или помогаютъ дѣлать (стр. 244).

Буде приставники примѣтятъ иногда въ которомъ изъ воспитанниковъ равнодушіе ко всему, неохоту или пренебреженіе къ знанію или упражненію, тогда смотрѣть, таковъ ли ко всему, и къ игрѣ, или только къ ученію; если же къ одному ученію безъ охоты, а въ игрѣ живъ, движимъ и продолжителенъ въ своихъ намѣреніяхъ и не лѣнивъ, и неприлежаніе къ ученію происходитъ отъ одной неохоты, тогда можно ему съ доброжелательствомъ тихо и безъ пѣни говорить: колико здравому разсудку противно терять время на бездѣлушки тогда, когда могъ оное употребить съ пользою и что послѣ малаго труда сама забава ему будетъ пріятнѣе. Буде сіе не поможетъ, тогда стыдить, обращая въ смѣхъ лѣнь и нерадѣніе, испрашивая у него безъ людей, но почаще, сколько времени употребилъ онъ на ученіе,

you never so much as reproach him with it, or mention it to him again (стр. 114).

Play-things, I think, children should have, and of diverse sorts; but still to be in the custody of their tutors, or somebody else, whereof the child should have in his power but one at once, and should not be suffered to have another, but when he restored that.... How then shall they have the play-games you allow them, if none must be bought for them? I answer, they should make them themselves, or at least endeavour it, and set themselves about it (стр. 112).

If you are satisfied, by his earnestness at play, or any thing else he sets his mind on, in the intervals between his hours of business, that he is not of himself inclined to laziness, but that only want of relish of his book makes him negligent and sluggish in his application to it; the first step is to try, by talking to him kindly of the folly and inconvenience of it, whereby he loses a good part of his time, which he might have for his diversion: but be sure to talk calmly and kindly, and not much at first, but only these plain reasons in short. If this prevails, you have gained the point in the most desirable way, which is that of reason and kindness. If this softer application prevails not, try to shame him out of it, by laughing at him for it, asking every day, when he comes to table, if there be no strangers there, «how long he was that

чему учился и во сколько времени? и обходиться съ нимъ похолоднѣе на то время, грозя отнять у него книги, учителей и ученіе, дабы понапрасну не терять время и досугъ учителей на его наставленіе, и что его оставятъ съ однѣми игрушками; и въ самомъ дѣлѣ заставить его играть поутру и ввечеру въ уреченный часъ; и въ то время за нимъ смотрѣть, чтобъ заподлинно игралъ до тѣхъ поръ, пока игры наскучатъ ему, и самъ проситься будетъ учиться (стр. 246—247).

Стараться узнать главную склонность лѣниваго, и, узнавъ, ее употребить въ пользу. Буде любитъ похвалы, или играть, или наряды, или опасается боли, или гнѣва, и тѣмъ разбудить отъ сна лѣности или нерадѣнія. Буде и сіе не успѣло, тогда предпринимать съ нимъ какую ни есть работу въ уреченные часы,

day about his business?» And if he has not done it, in the time he might be well supposed to have dispatched it, expose and turn him into ridicule for it; but mix no chiding, only put on a pretty cold brow towards him, and keep it till he reform; and let his mother, tutor, and all about him, do so too. If this work not the effect you desire, then tell him, «he shall be no longer troubled with a tutor to take care of his education: you will not be at the change to have him spend his time idly with him: but since he prefers this or that (whatever play he delights in) to his book, that only he shall do»; and so in earnest set him to work on his beloved play, and keep him steadily, and in earnest to it, morning and afternoon, till he be fully surfeited, and would at any rate, change it for some hours at his book again: but when you thus set him his task of play, you must be sure to look after him yourself, or set somebody else to do it, that may constantly see him employed in it, and that he be not permitted to be idle at that too. I say, yourself look after him (стр. 107—108).

Inform yourself, what it is he is most pleased with; and if you can find any particular tendency his mind hath, increase it all you can, and make use of that to set him on work, and to excite his industry. If he loves praise, or play, or fine clothes, etc., or, on the other side, dreads pain, disgrace, or your displeasure, etc., whatever

чтобъ привести въ движеніе по малу. Соскучивъ оною, охотнѣе примется за книги и ученье, наипаче когда та работа съ трудомъ и стыдомъ соединена (стр. 247).

Буде желательно дѣтей отвадить отъ игры, то на то вѣрный способъ есть—принуждать ихъ нѣсколько часовъ сряду ежедневно играть тою игрушкою (стр. 248).

it be that he loves most, except it be sloth (for that will never set him on work), let that be made use of to quicken him, and make him bestir himself.... But, because this is an invisible attention, and no-body can tell when he is, or is not idle at it, you must find bodily employments for him which he must be constantly busied in, and kept to; and, if they have some little hardship and shame in them, it may not be the worse, that they may the sooner weary him, and make him desire to return to his book (стр. 109).

Observe what play he is most delighted with; enjoin that, and make him play so many hours every day, not as punishment for playing, but as if it were the business required of him. This, if I mistake not, will, in a few days, make him so weary of his most beloved sport, that he will prefer his book (стр. 110).